

В. Н. Прохорова

ДИАЛЕКТИЗМЫ
В ЯЗЫКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Издательство
1957

В. Н. ПРОХОРОВА

ДИАЛЕКТИЗМЫ
В ЯЗЫКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1957

Настоящая брошюра принадлежит к числу работ, публикуемых в библиотеке „Вопросы советского языкознания“.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Диалектизмы в языке литературных произведений XVIII века (В. Лукин, М. Матинский, М. Попов, А. Аблесимов)	11
Диалектизмы в произведениях писателей XIX века	19
Использование диалектных особенностей языка в художественных произведениях Даля	—
Диалектизмы в произведениях писателей-шестидесятников (Н. Успенский, Ф. Решетников, А. Левитов, В. Слепцов)	26
Диалектизмы у И. С. Тургенева	31
Диалектизмы в произведениях советской литературы	41
Мастерство М. А. Шолохова в использовании диалектных особенностей языка	58

Валентина Николаевна Прохорова

Диалектизмы в языке художественной литературы

Редактор *Г. Н. Лебедева*

Технический редактор *Т. А. Щептева*

Корректор *Е. П. Тихомирова*

Сдано в набор 4 VII 1957 г. Подписано к печати 23 X 1957 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(4,10) Уч.-изд. л. 4,20. А10150
Тираж 220 0 экз. Цена 1р.15к.

Учпедгиз, Москва, Чистые пруды, 6.
Полиграфический комбинат Саратовского Совнархоза
г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
Заказ № 71

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык неоднороден по своему составу. Национальный русский язык нельзя отождествлять с литературным русским языком, хотя роль литературного языка как языка организующего и нормализующего очень велика.

Наряду с литературным языком в состав русского языка входят и местные, или территориальные, говоры. Территориальные говоры, или диалекты, — это языковые единицы, которые служат средством общения для коллектива людей, живущих на определенной территории.

Каждый говор отличается от подобных языковых разновидностей (говоров) и от литературного языка. Эти различия могут проявляться в звуковой системе, в области грамматики, в словаре.

В диалектах возможно иное, чем в литературном языке, количество и качество звуков, служащих для различения звуковой оболочки слов, т. е. фонем, иное, чем в литературном языке, употребление их.

В говорах и литературном языке могут быть различными способы изменения и образования слов, способы соединения слов в предложении.

Словарный состав говоров включает ряд слов, неизвестных литературному языку, и, напротив, не имеет некоторых слов литературного языка.

Все диалекты, в большей или меньшей степени отличающиеся от литературного языка, как и сам литературный язык, входят в систему единого национального русского языка, так как между ними значительно больше общего, чем расхождений.

Говоры и литературный язык находятся во взаимодействии. Но отношения между этими составными элементами русского языка не одинаковы для различных исторических эпох. Местные говоры сыграли свою, весьма значительную роль в формировании сначала языка великорусской народности, а затем в формировании национального языка. На протяжении длительного периода словарь литературного

языка пополнялся словами из говоров. Усваиваясь литературным языком, подчиняясь его нормам, такие слова теряли диалектный характер.

Начиная приблизительно со второй половины XIX века пополнение словарного запаса литературного языка словами из словаря говоров в целом прекращается. Исключения составляют лишь отдельные слова, проникающие из говоров в литературный язык. Наоборот, влияние литературного языка на говоры усиливается.

Но и до настоящего времени, даже при огромном влиянии литературного языка на территориальные диалекты, имеющем место в советскую эпоху и ведущем к утрате диалектов, говоры еще сохраняются в современном русском языке как самостоятельные языковые единицы.

А поскольку существуют говоры с присущим им своеобразием фонетической системы, грамматики и словаря, языковые особенности диалектов не могут не отразиться в современном литературном языке и, в частности, в языке художественной литературы.

В лингвистике и литературоведении возникает термин *диалектизмы*, т. е. слова, свойственные местным диалектам, употребляемые в составе литературного языка.

Следует отметить, что понятие «диалектизм» возникает только при изучении литературного языка, при сопоставлении диалектов с литературным языком.

Диалектизмы могут встретиться в устном литературном языке, в речи людей, недостаточно хорошо овладевших литературными нормами. Такая произвольная, непамеренная передача диалектных особенностей — явление отрицательное, следствие недостаточной культуры речи. Анализ подобных диалектизмов не входит в задачи данной работы.

Диалектные слова намеренно используются в языке произведений художественной литературы. Писатели и поэты, если они рассказывают о жизни деревни, часто вводят диалектизмы как в речь персонажей, так и в авторскую речь с целью более реалистического показа действительности, с целью обогащения языка произведения.

Виднейшие русские писатели используют в своих произведениях диалектизмы как средство художественной выразительности. Среди них можно назвать писателей-драматургов XVIII века, таких, как Матинский, Плавильщиков, Абросимов; писателей 40-х годов XIX века — Дала, Григоровича, Писемского; писателей-шестидесятников —

Решетникова, Левитова, Слепцова, Николая Успенского; писателей-реалистов — Тургенева, Некрасова, Никитина, Л. Толстого, Короленко; советских писателей — Горького, Шолохова, Леонова, Панферова и многих других.

Каковы же цели и методы введения диалектизмов в язык художественной литературы? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что цели и методы находятся в тесной связи с мировоззрением писателя, с идейным содержанием его творчества, с его литературными вкусами и, следовательно, различны.

Писатели XVIII века вводили диалектную лексику в язык персонажей комедий не только и не столько с целью достижения большей реалистичности в изображении героев, сколько с целью достижения комического эффекта путем показа «неправильной», «нелитературной» речи своих героев.

Некоторых писателей (например, В. И. Даля) диалектная лексика привлекала как эффективное средство этнографического описания жизни крестьян различных местностей России.

Писатели-шестидесятники (Н. Успенский, Ф. Решетников, А. Левитов, В. Слепцов) встали на путь почти фотографической передачи языка своих персонажей, резко отличающегося от литературного. Они подчинили языковые средства своей основной задаче — изображению угнетенного, забитого русского крестьянства.

Широко использовали диалектизмы в языке своих произведений лучшие представители критического реализма — Тургенев и Толстой. При всем разнообразии использования диалектных особенностей в творчестве этих писателей их объединяет одинаковое отношение к диалектной лексике в языке художественного произведения: диалектизмы в речи действующих лиц и в авторской речи помогают правдивому изображению действительности, раскрытию характеров действующих лиц, а также являются источником обогащения языка художественного произведения.

В этих же целях используют диалектную лексику и многие советские писатели.

Языковое своеобразие говоров в языке художественной литературы может отражаться в различной степени. Однако при всем различии способов употребления диалектной лексики есть некоторые общие положения, общие закономер-

ности употребления диалектизмов в литературном произведении. В зависимости от того, какие специфические черты диалекта передаются в диалектных словах, введенных в речевую ткань произведения, их можно классифицировать, выделяя диалектизмы лексические, морфологические, фонетические, синтаксические и др.

Слова, передающие особенности звуковой системы говора, называются фонетическими диалектизмами. Например, передача южного «яканья» (перезличения в первом предударном слоге после мягких согласных звуков *а, е и о*, т. е. такого произношения слов, как *сястра, сяло, дярвеня*); передача северного «цоканья» (неразличения звуков *ц* и *ч*, например, в словах *доцца, пецца, ноць* или же *улица, яйчо* и т. д.), использование особенности южнорусского произношения согласных — замены звука *ф* звуком *х* или сочетанием *хв*: *кохта, хвартук, Хома* и др., — все это факты, показывающие особенности фонетической системы говоров.

Морфологические диалектизмы — слова, отличные своими грамматическими формами от слов литературного языка. К ним можно отнести, например, факты склонения существительных женского рода на согласный, т. е. существительных 3-го склонения, по иному типу: *в грязе, на пече, на лошаде*, свойственное южнорусским говорам; мягкое окончание глаголов в 3-м лице настоящего и настояще-будущего времени: *идуть, несуть, ведётъ* (также южнорусская особенность) и др.

К морфологическим же диалектизмам следует отнести и слова, образованные иными способами, чем соответствующие однокоренные слова литературного языка.

Синтаксические диалектизмы — это передаваемые в литературном языке особенности построения предложений и словосочетаний, свойственные говорам (например, встречающиеся в северных говорах словосочетания переходных глаголов с существительными в форме именительного падежа: *топить баня, строить изба* и т. п., передача характерного для южновеликорусских говоров использования деепричастия в роли сказуемого: *он уже одемши, они приходши* и т. п.).

Лексические диалектизмы — это используемые в языке художественной литературы слова из словарного состава говоров.

Эти диалектизмы также неоднородны по своему составу. Некоторые из лексических диалектизмов (их называют собственно лексическими диалектизмами) являются синонимами соответствующих слов литературного языка. Причем они могут быть абсолютными синонимами, т. е. словами, являющимися в литературном языке и в говоре названием одного и того же понятия, например слова южных говоров *кубыть* и *зараз* и литературного языка — *может быть, сразу* (сейчас).

Другая группа диалектной лексики — это такие слова, которые называют вещи, предметы, явления, свойственные быту группы населения, пользующейся этим говором. Как названия понятий специфических, неизвестных всему национальному коллективу, такие диалектизмы не имеют абсолютных синонимов в литературном языке. Такие диалектизмы называют этнографическими.

Примерами этнографических диалектизмов могут служить слова — названия одежды: *понёва* или *понява*, *кичка*, *сорока*, *шушун*, *завеска* (фартук); названия предметов утвари: *самопрялка*, *бёрдо* (часть ткацкого стана), *кочедык* (приспособление для плетения лаптей), *махотка* (кувшин), *туес* (сосуд, сплетенный из бересты) и др.

Можно отметить случаи употребления в языке художественной литературы диалектных слов, омонимичных словам литературного языка, — семантических диалектизмов. При одинаковом звуковом составе эти слова имеют в говорах иное, чем в литературном языке, значение; например: *худые* — плохие, скверные; *добрые* — хорошие, здоровые, красивые; *подполье* — подпол и др.; слово *погода* во многих говорах соответствует известному в литературном языке словосочетанию *хорошая погода*.

И, наконец, в языке романа, повести, пьесы как в речи действующих лиц, так и в речи автора могут воспроизводиться употребляемые в говорах устойчивые выражения, синонимичные словам, — фразеологические обороты; например: *хрип гнуть* — работать, с оттенком значения «выполнять очень тяжелую работу» (донские говоры, использовано М. Шолоховым); *дать в трату* — погубить (там же).

Разумеется, подобная классификация языковых элементов диалекта, используемых в языке художественного произведения, условна, и часто диалектизм не может быть отнесен ни к одной из перечисленных выше групп. На-

пример, такие явления, как стяженные формы глаголов *он работает, делат, думат* или прилагательных *хороша девушка, хорошу девушку* и т. д., приходится характеризовать как фонетико-морфологические диалектизмы, так как стяжение гласных — явление фонетическое, но характерное только для определенных частей речи.

Несмотря на условность указанной выше классификации при анализе диалектных явлений в языке художественной литературы, она необходима, так как группы диалектизмов различаются по выполняемым ими функциям.

Наиболее часто используются диалектизмы этнографические и собственно лексические; этнографические диалектизмы вводятся в язык вследствие невозможности замены их синонимами: в литературном языке нет слов для обозначения этих понятий.

Как этнографические, так и собственно лексические диалектизмы часто используются в авторской речи и речи персонажей, так как им присущи такие качества, которые делают диалектную лексику в литературном произведении ценным средством художественного изображения. Специфические для говоров слова сохраняют свежесть прямого значения их корня. Новые и необычные для литературного языка слова говоров уже вследствие этой новизны воспринимаются как слова экспрессивные и эмоционально окрашенные. Кроме того, лексика говоров сама по себе выразительна. Не случайно, что русские народные говоры являются истоками языковых средств фольклора, фольклорной лексики, глубоко поэтической и эмоциональной.

Следует также отметить, что лексике говоров свойственна конкретность и точность в обозначении понятий. Так, например, у Шолохова, передающего в своих произведениях особенности донских говоров, наряду со словом *шлях* (дорога) встречаем название *летник* (дорога, по которой ездят только летом). В «Поднятой целине» для названия печи употребляются различные слова: *подземка* и *грубка*. *Грубка* — это обыкновенная комнатная печь, а *подземка* — низенькая печурка, которую обычно устанавливают под кроватью, дымоход ее проходит под полом. Ср. также используемые в говорах слова *соха* — жердь, *слега* — тонкая, длинная жердь.

Реже используются морфологические и наиболее редко — фонетические диалектизмы. Эти диалектизмы в большин-

стве своем лишены эмоциональности лексических диалектизмов, а служат только для указания на отличие говора и речи его носителей от литературного языка. Но отдельные морфологические диалектизмы часто обладают, как и лексические, яркой эмоциональной окраской и повышенной экспрессивностью.

При всем разнообразии методов передачи явлений местных говоров у различных авторов можно отметить основные закономерности их употребления: 1) диалектизмы используются значительно чаще в языке действующих лиц произведения, чем в авторской речи; 2) среди диалектизмов в языке автора употребляются преимущественно диалектизмы этнографические и собственно лексические.

Выделение из текста литературного произведения и анализ только языковых особенностей говора или наречия, т. е. только диалектизмов, были бы занятием искусственным и малопродуктивным. Необходимо исследовать также и «словесное окружение» диалектизмов, лексические пласты, смежные с группами диалектных слов: просторечную лексику, профессиональную терминологию, слова из словарного запаса устного народного творчества — фольклора и т. п. Языковые особенности местных говоров и просторечия в большинстве случаев используются писателями одновременно, без различия этих языковых пластов. Это явление легко объяснимо и оправдано.

Просторечие сложилось как разговорный язык городских низов на основе множества говоров как однородных, так и разнородных. Находясь под влиянием литературного языка (сила и значительность этого влияния определяется исторически для различных периодов русского языка) и взаимным влиянием, диалекты нивелировались и, утратив свои характерные особенности, создали просторечие — слой лексики со своими языковыми (фонетическими и грамматическими) особенностями. Практически часто нелегко отличить слова или формы местных диалектов от просторечного словаря и просторечных грамматических форм. Основным критерием различия здесь может быть территориальная ограниченность распространения языковых явлений диалектов и повсеместность употребления просторечных элементов языка.

При анализе диалектных явлений в литературном языке следует учитывать возможность совместного употребления диалектной и просторечной лексики.

Однако совершенно недопустимо смешение диалектизмов и вульгаризмов в языке художественного произведения, так как последние, если они слишком широко вводятся в ткань литературного произведения, засоряют его язык, снижают художественное качество всего произведения.

Вопрос о широте введения диалектизмов в язык художественного произведения связан с различием целей и методов использования лексики говоров у различных писателей. Если Тургенев использует в языке «Записок охотника» и других книг только отдельные слова и выражения тульских и орловских говоров, то Шолохов передает в речи персонажей и в авторской речи не только лексические, но и морфологические и фонетические особенности местного диалекта, воспроизводя говор весьма полно.

И тот и другой метод возможен и, как мы видим на примере творчества этих писателей, плодотворен. Но и при передаче единичных диалектизмов для писателя необходимо хорошее знание используемого говора. Фактические ошибки при передаче особенностей диалекта недопустимы.

Вследствие невозможности представить развернутое исследование о диалектизмах в языке русских писателей, в настоящей работе рассматривается вопрос об использовании слов местных говоров только у некоторых авторов. Выбор именно этих писателей объясняется тем, что они являются представителями различных периодов истории русской литературы и, вводя диалектизмы в язык художественных произведений, преследуют различные цели, пользуются различными методами (конечно, вместе с тем надо иметь в виду, что, как уже говорилось, цели и методы введения диалектизмов в большой степени зависят от мировоззрения писателя, от индивидуально-художественной манеры его творчества).

На примере творчества отдельных писателей, как нам представляется, удобнее и целесообразнее рассмотреть весьма сложный и почти не разработанный в языкознании и литературоведении вопрос об использовании диалектизмов в языке художественного произведения.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XVIII века

(В. Лукин, М. Матинский, М. Попов, А. Аблесимов)

Фонетические и грамматические нормы, а также нормы отбора и употребления лексики в русском литературном языке определились не одновременно и не в течение короткого отрезка времени.

Основные фонетические нормы литературного языка («аканье», «иканье», паличие *г* взрывного, оглушающегося на конце слов в *к*) определились уже в XVII веке. К этому же времени, очевидно, следует отнести и становление грамматической системы литературного языка. Однако установление отдельных орфоэпических норм, как и оформление отдельных грамматических категорий, продолжается в течение XVIII и начала XIX века. В это же время происходит и нормализация словаря русского литературного языка. Словарный состав его складывается в результате взаимодействия различных языковых стихий: церковнославянского языка, разговорной обиходной речи, делового стиля и просторечия. Неупорядоченность употребления этих языковых средств выдвинула задачу определения принципов отбора слов литературного языка.

Теория трех стилей Ломоносова и предлагаемое им распределение различных пластов общенационального языка, как книжного, так и разговорного, соответственно жанрам литературных произведений была самой значительной и удачной попыткой решения этой задачи.

Разрешению проблемы способствовал во многом и составленный II отделением Академии наук «Словарь Академии Российской». Опирающийся на теорию трех стилей, словарь собрал воедино богатства русского языка. Причем, несмотря на то, что особое внимание составители словаря уделили лексике церковнославянской, разговорная

и даже просторечная лексика были также широко представлены в словаре.

Подобный состав словаря объясняется тем, что просторечная и разговорная лексика встречалась в то время не только в документах, отражающих особенности разговорного языка, но и в языке художественной литературы. Эти просторечные языковые средства могли использоваться авторами в художественных произведениях не произвольно, не намеренно, а вследствие широкого распространения этих слов и форм в языке всех слоев населения и отсутствия твердых литературных норм. Однако более важно то, что просторечные слова и формы использовались писателями XVIII века в стилистических целях: для языковой характеристики персонажей произведения.

Просторечная лексика могла быть использована только в произведениях «низкого стиля»: комедиях, шуточных песнях, стихотворениях и т. п. «Высокий» и «средний» стили исключали возможность использования этих речевых средств.

В таких произведениях комедийного жанра, как «Рогоносец по воображению», «Опекун», «Лихомец», «Тресотиниус» Сумарокова, «Бригадир» и «Недоросль» Фонвизина, «Ябеда» Капниста и др., весьма различных по степени мастерства и идейному содержанию, по композиции и сюжету, манере обрисовки персонажей и т. д., есть много общего в отношении языка.

В речи героев «Ябеды» Капниста, пьес Фонвизина и других наряду с литературными словами и формами привлекают внимание широко распространенные слова и обороты, свойственные просторечию. Ср., например, в «Ябед» Капниста: «Щечит за пропуск дел» (*щечить* — простонародное: украдкой, урывком поспешно бранить — «Словарь Академии Российской»); «иль *стибрить* документ...»; «запазушные друзья»; «Каков хабар!» (*хабар* — простонародное: прибыль, приток, барыш — «Словарь Академии Российской») и многие другие.

Не ставя перед собой задачи отделения просторечных элементов, свойственных речи писателей и употребляемых ненамеренно, от стилистических просторечных элементов в языке персонажей и автора, мы можем все же отметить общую тенденцию введения просторечных слов и выражений в язык героев. Более или менее правдивая передача языка героев комедий — купцов, крестьян, мелкопоме-

стных дворян, — обильно уснащенного элементами просторечия, была одним из главных средств реалистичности изображения, и этим средством сознательно пользовалось большинство писателей.

Кроме того, резко отличаясь от книжного языка трагедий и драм, во многом сохраняющего церковнославянское влияние, разговорный, с просторечными элементами язык комедий, вследствие необычности его для произведений другого жанра, способствовал усилению комической ситуации в пьесах.

Наряду с привлечением просторечных элементов некоторые писатели намеренно использовали особенности местных диалектов для речевой характеристики персонажей пьес.

Диалектные языковые особенности передаются в комических операх Попова «Анюта» и Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (представлена впервые в 1772 г.), Матинского «Санктпетербургский гостиный двор», в комедии Лукина «Щепетильник» (1765) и некоторых других.

В этих комедиях во второстепенных (в комической опере Матинского и пьесе Лукина) или главных (в операх Попова и Аблесимова) ролях выступают крестьяне, говорящие своеобразным, резко отличным от речи других персонажей языком. Это своеобразие языка создается введением большого числа диалектизмов.

В комедии Лукина «Щепетильник» появляются два эпизодических действующих лица: Василий и Мирон. Это — служащие у купца, недавно прибывшие из деревни крестьяне: «Еще только с недель *двадцать*, как мы из *Галица* сюда прибрели».

Хотя эти персонажи действуют на сцене в коротких диалогах друг с другом и Щепетильником, появление их не может остаться незамеченным: они привлекают внимание читателя и содержанием своих реплик, и резко отличающимся от литературного языка говором. Эти две роли очень важны для пьесы: работники, высмеивая французские товары, безделушки — «басурманские фигли и голотирей, привезенные из заморья», — помогают автору выразить главную идею пьесы: осудить дворянскую галломанию, стремление придворной и городской знати к показной роскоши, их безделье и никчемность.

В языке крестьян много фонетических диалектизмов: среди них отражение такой особенности русских говоров,

как «цоканье» и «чоканье» (неразличение звуков *ц* и *ч*). Ср. в речи Мирона: *сказаџи, проџь, неџево, окоџь, ниџаво, моџнеџ; и чарь*; в речи Василия: *веџер, цаю, подаџь, боярџук, испорџиџь и ченна* (ценно), *лича*.

Этим крестьянам свойственно также употребление пост-позитивных частиц *-ста, -стани, -от*, что характерно для северновеликорусских говоров: *будет-ста, тотчас-стани, новые-стани, прилазок-от, разумею-стани, ты-стани, пришел-стани*.

В речь персонажей комедии введены и лексические диалектизмы: *галиться* — смеяться, издеваться («Что жеста, боярин, галишься надо мной?»); *голчить* — говорить; *сарынь* — шумная толпа («Смотри-тка! Что за проказы? Какая их сарынь рабенок...»)¹.

Крестьяне сознают своеобразие своего говора и отличие его от литературного языка: «Вить на нас дивит неџево: еще только с неделей двадчать, как мы из Галича сюда прибрели; а у нас етаких мудрых слов ниту, и мы галчим по старинному поверью» (Мирон). Из этой фразы можно усмотреть, что эти персонажи являются выходцами из города Галича (сейчас Костромская область). Поэтому интересно поставить вопрос, правильно ли передаются автором особенности диалектов Галича. По существующей в настоящее время классификации местных диалектов русского языка костромские говоры входят во Владимирско-Поволжскую группу северновеликорусского наречия. Проф. Р. И. Аванесов указывает, что цокание не свойственно говорам Владимиро-Поволжской группы северновеликорусского наречия, причем многие говоры на территории бывших Ярославской, Владимирской и Костромской губерний цоканья, видимо, вообще не имели никогда².

Вызывают сомнение в правильности их употребления и другие диалектизмы в языке комедии. Впрочем, достаточно и одного примера с передачей цоканья, чтобы убедиться в полном равнодушии автора к правильности передачи говора.

¹ Выше указывалось на трудность различения диалектной и просторечной лексики. Различение этих стилистических пластов тем более трудно в отношении к литературному языку XVIII века.

Но отсутствие анализируемых слов в «Словаре Академии Российской» и отнесение их к лексике диалектной в «Опыте областного великорусского словаря» и словаре В. И. Даля позволяют считать эти слова лексическими диалектизмами.

² См. проф. Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, Учпедгиз, 1949, стр. 213.

Автор преследует одну цель — достичь комического эффекта путем использования диалектизмов в речи персонажей. Зная, несомненно, что некоторые территориальные диалекты отличаются от литературного языка такой своеобразной особенностью в области произношения согласных, как «цоканье», он наделил этой чертой персонажей своей пьесы, нисколько не заботясь о правдивости такого изображения, а стремясь лишь к тому, чтобы зритель мог посмеяться над «грубой», «низкой» речью мужика¹.

Нельзя не отметить противоречия между общим замыслом пьесы и его претворением. С одной стороны, Лукин делает крестьян выразителями основной идеи пьесы, высмеивая их устами нравы и обычаи дворянского общества, а с другой — подчеркивая «неправильность» их речи, несхожесть ее с литературным языком, вернее, здесь — с разговорным языком дворянского общества, он заставляет зрителя смеяться и над ними. Это ослабляет эффективность воздействия пьесы на зрителя.

В пьесе (вернее, комической опере) Матинского «Санкт-петербургский гостиный двор»² носителем говора выступает также эпизодическое лицо: мужик, пострадавший от козней кляузника. Его короткий рассказ о своих злоключениях еще более насыщен языковыми элементами диалектов, чем речь персонажей комедии Лукина:

«Пожалуй, баценька барин! К цому ты придираешься?.. Вольно тебе меня вскёпаць. Вот, послушайте, цосные осьпода, как это дзело было.

Ехал я уличей вместе с обозом,
Правил я истинно лошадью с возом;
Милость твоя через уличу шел,
Быстро ты, быстро в глаза мне глядел.
Вдруг ты, как пьяной, тогда закачался,
Дзелаля мыслете, вот эдак шатался;
Я раз десяток «подзи» прокричал,
Только ты с умыслу под воз попал...»

¹ Этот вывод подтверждается и собственным признанием автора в «Письме к господину Ельчанинову» о пьесе «Щепетильник»: «...действие начавшие лица суть против английския сатиры прибавленные, так же как и два крестьянина, работники Щепетильниковы. Выход и разговор оных простолюдимов несказанно рассмешил меня...»

² Матинский — автор и музыки, и либретто этой комической оперы

Здесь можно отметить неразличение звуков *ц* и *ч* (*ба-ценъка, к цому, цосные, церез, закацался* и др. и *улица*) и «дзеканье» — произношение слитных звуков *дз* в соответствии с переднеязычным звонким *д* мягким в литературном языке (*дзело, подзи, пойдзет*) и заударное «ёканье», т. е. произношение звука *о* после мягкого согласного в заударных слогах на месте *е* (*придираёшься, послушайте*). Воспроизводится в речи этого персонажа и своеобразное фонетическое оформление некоторых слов: *толды, колды* и др.

Морфологические диалектизмы в речи этого персонажа не передаются, а синтаксические и лексические — единичны.

Среди лексических диалектизмов можно отметить такие: *турбацить* (обижать, беспокоить), *натялась* (*натягаться* — навязаться).

Так же, как и у Лукича, здесь цель введения диалектных особенностей в язык действующего лица — усиление комического эффекта всей пьесы. Автор заставляет зрителей смеяться над речью мужика, хотя сочувствие его на стороне последнего, а не на стороне мошенника Крючкодея.

В комической опере Попова «Анюта» передаются языковые диалектные особенности речи главных персонажей: Мирона, приемного отца Анюты, и Филата — жениха ее.

Диалектизмов в речи этих персонажей очень много: воспроизводится «оканье», т. е. различие в первом предударном слоге после твердых согласных звуков *о* и *а*, причем есть примеры, указывающие на замену звука *а* звуком *о*: *колачи, роботайте, окоянна, зобота, корман, сотоною*. (Следует отметить, что для говоров такая замена не характерна, и *о* на месте этимологического *а* выступает только в отдельных словах.)

Передается в языке Мирона и Филата и «ёканье» (здесь произношение *о* после мягкого согласного как в предударных, так и заударных слогах): *принёсла, огрёбали, бёды, лёжали, подымаёт, чаёт, величаёт, замужьё* и др. (примеров очень много). В речи этих действующих лиц автор воспроизводит и свойственное ряду северных говоров стяжение гласных в глагольных формах: *слушааш, почитааш* (диалектизм скорее морфологический, так как стяжение гласных выступает в определенных частях речи). Следует отметить и такой морфологический диалектизм, как употребление существительного в форме творительного падежа вместо дательного («и по задворьями слонялся»).

В речи Филата часто употребляется вводная постпозитивная частица *сте*: «Асе, сте... на сходе, сте, сидел...»; «а я то што, сте, дячка?»; «работник был, сте, твой».

В речь Мирона и Филата вводятся и лексические диалектизмы: *зобать* — есть («Охти, охти, хресьяне! Зачем вы не дворяне? Вы сахар бы зобали так, словно бы как лед»); *баский* — красивый; *щепеткий* — важный, модный, красивый («Хош пригожа ты собою, хош баска и щепетка, только быть тебе за мною, как теперь ты ли прытка»), *попест* — лентяй («А мне так бедняку, горюхе батраку, уж не осталоса чово теперь и баять, как только горевать да охать, как *попесту*»).

Очень интересно то обстоятельство, что Анята — главная героиня пьесы, которая была взята крестьянином Мироном как приемная дочь еще грудным ребенком и воспитывалась в крестьянской семье, — говорит изысканным литературным языком своего времени и ее речи чужды диалектизмы. Можно привести как образец хотя бы одну реплику, обращенную ею к возлюбленному — дворянину Виктору:

Ты статен, ты умец, богат и дворянин:
Возможет ли с тобой равняться селянин?
Ты мне и во твоём прелестнее всех роде:
Мне мнится, нет тебя милей во всем народе!
Возможно ль, полюбя тебя, влюбиться вновь?
И как мне позабыть свою к тебе любовь!

Для того чтобы найти объяснение этому, нужно вспомнить общие тенденции дворянской литературы XVIII века. Передовые, демократические писатели в своих пьесах показывали крестьян как положительных персонажей, подчеркивая их трудолюбие, честность, здравость суждений, чистоту нравов. Зачастую эти качества крестьян противопоставлялись порокам определенной части дворянства. Хорошей иллюстрацией служит реплика Мирона (из оперы Попова «Анята»):

Инак мы живем хресьяне:
Хоша баем непригожо,
Да сулим друзьям што схожо;
На словах у нас што гожо,
И на деле будет то жо...

Но признание положительных качеств и достоинств крестьян не могло изменить убеждения некоторых писа-

телей в том, что крестьяне стоят ниже дворян не только в социальном, но и в интеллектуальном отношении.

Именно поэтому Анюта, дворянка по происхождению и любящая дворянина, не могла, по мнению автора, говорить как крестьянка, хотя она всю жизнь жила в семье крестьянина Мирона.

Героями оперы Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» также являются крестьяне. В отличие от анализируемых выше пьес в языке персонажей этой оперы диалектизмов сравнительного немного.

Фонетических диалектизмов здесь нет совсем; в речи героев часто передается произношение отдельных слов, причем именно так, как они должны произноситься в литературном языке (ср. *кони-та, што, сонца*).

Анализируя использование диалектных особенностей писателями XVIII века, можно отметить ряд общих для всех авторов закономерностей.

Писатели, передающие в языке персонажей элементы говоров, немногочисленны. Большинство из них широко использует просторечие, а не особенности местных диалектов.

Драматурги, использующие особенности местных говоров, вводят диалектизмы не с целью создания речевой характеристики персонажа, а с целью достижения комического эффекта при изображении персонажей-крестьян.

Эта цель определяет и характер отбора диалектных явлений, вводимых в язык крестьян: в большинстве случаев вводятся диалектизмы фонетические, подчеркивающие неправомерность, «нелитературность» речи героев-крестьян.

Характерно, что, кроме пьесы Лукина «Щепетильник», нигде не указывается на территориальную принадлежность говоров, которыми владеют персонажи; язык крестьян наделен преимущественно диалектными чертами, свойственными северновеликорусскому наречию.

В речи крестьян отсутствуют этнографические диалектизмы, т. е. слова, называющие специфичные для их быта понятия, способствующие реалистической обрисовке образов. Это лишний раз свидетельствует о том, что авторы далеки были от стремления правдиво нарисовать своих героев.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX века

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАЛЯ

Владимир Иванович Даль более известен как составитель словаря русского языка, чем как писатель. Словарь русского языка В. И. Даля — труд всей его жизни, замечательное явление в русской филологии. Несмотря на ряд значительных недостатков, он всегда будет сохранять свое значение как памятник живого русского языка.

Достоинства и недостатки словаря, как известно, отметил В. И. Ленин в кратком замечании (в письме А. В. Луначарскому): «Недавно мне пришлось — к сожалению и стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым Словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел»¹.

Достоинства словаря — в огромном охвате материала, в отражении особенностей общенародного языка, в передаче специальной терминологии различных профессий, в богатстве этнографических сведений и т. д.

Недостаток словаря — его *областнический* характер, что связано со стремлением автора отразить словарный состав общенародного языка. Кроме того, из словаря по воле автора, в силу его славянофильских симпатий, исключено много иноязычных слов, уже вошедших в широкое употребление ко времени выхода словаря, некоторые слова неправильно размещены по гнездам и т. д.

Не лишено интереса как для литературоведа, так и для лингвиста и литературное творчество Даля. Оно изучено мало, особенно недостаточно изучен язык его произведений. Но, несмотря на слабую разработанность вопроса, в лингвистической литературе сложилось мнение, что язык

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 369.

писателя отражает в какой-то степени некоторые недостатки его словаря: чрезмерно перегружен диалектизмами, причем из слов и форм диалектов используются только редкие, экзотические. Однако это мнение нельзя считать правильным.

Использование В. И. Далем диалектной лексики во всех случаях оправдано целями, которые ставит перед собой писатель. Диалектизмы, вводимые им в авторскую речь и речь персонажей, не нарушают целостности и стройности языка произведения.

Даль — блестящий знаток русских говоров. Он рассказывает комический эпизод из своей жизни, когда он определил, из какой губернии родом наемный плотник, по одному лишь диалектному слову *склёзко*, которое характерно для северной части Новгородской губернии. Писатель рассказывает также о другом случае, когда он узнал, откуда родом один из монахов, пришедших собирать деньги на церковь (как оказалось, под видом монахов скрывались бродяги). «Я ... удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжапин. Да откуда вы родом?—«Я тамодий», — пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что успел он произнести это слово—«тамодий», вместо тамошний, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: «А не ярославские вы, батюшка?» — он побагровел, потом побледнел, взглянул, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: «Не, родимый!» — «О, да еще и ростовский!» — сказал я, захохотав, узнав в этом «не, родимый» необлужного ростовца. Не успел я произнести этих слов, как вологжанин млебух в ноги: «Не погуби».

«Они (гости), — заключает Даль, — убедились в основательности моих познаний по части отечественного языкознания...»¹

При прекрасном знании писателем языковых средств говоров диалектизмы не являются основным, доминирующим пластом лексики в языке его произведений.

В. И. Даль использует различные языковые средства, различные пласты лексики в зависимости от характера произведения².

¹ Сочинения Владимира Даля, т. II, СПб, 1861, стр. 222—223.

² Так, например, в сказках Даля широко используются языковые средства фольклора, в очерках «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» — специальная военная и военно-морская терминология и т. д.

Но особенно часто он использует в своих произведениях диалектную лексику, т. е. лексику, распространение которой ограничено определенной, более или менее узкой территорией.

В. И. Даль как диалектолог очень хорошо представляет себе все разнообразие местных диалектов и неоднократно указывает на это читателю в своих рассказах. Один из небольших рассказов так и называется «Говор». В нем Даль утверждает, что народный говор «различается так резко и ясно для привычного уха не только в разных губерниях и уездах, но даже иногда в близких соседних полосах. Разве лихо возьмет литвина, чтоб он не «дзекнул»? Хохол «у саду» (в саду) сидит, «в себя» (у себя) гостит; и по этому произношению, как и по особой певучести буквы *о*, по надышке на букву *г* вы легко узнаете южного руса; курянин «ходить» и «видить», москвич «владеет» и «балагурит», владимирец — «володает» и «бологурит», по этому мало, в Ворсме говорят не так, как в селе Павлове, и кто наострит ухо свое на это, тот легко распознает всякого уроженца по местности».

В рассказах «Небывалое в былом, или Былое в небывалом» Даль также указывает на некоторые характерные признаки различных говоров (причем здесь он обращает внимание читателя преимущественно на различия в лексике говоров):

«— А, Филипп Иванович! Каково вас господь перештывает?»

— Красимно, родимый мой, красимно (красно) — это суздалец.

— А он у вас чьих был? — Да Телятиных. — Это сибряки».

«... — Сами брали по 98, видит бог по 98; — ну, коли все возьмешь, бери по 96, два рубля убытка! Вот за-боль правда! — это, видно, олопчанин, — его божба».

Прекрасный знаток диалектов, В. И. Даль отмечает своеобразие их, резкое отличие некоторых из них от литературного языка.

Герой повести «Савелий Граб, или Двойник» Василько, отправляясь в путешествие по России, ставит перед собой задачи: изучать памятники, предания и поверья, собирать фольклорный материал и «вносить тщательно в памятную книжку свою все народные слова, выражения, речения, обороты языка, общие и местные». «Последняя статья —

замечает автор, — для нас с Васильком была самая главная и важная... Таким образом, например, находим мы в записной книжке Василька вместо: «казак оседлал коня как можно поспешнее, посадил товарища своего, у которого не было коня, на круп и следовал за неприятелем своим, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него кинуться» — вместо этого ниши и говори: «казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить».

Однако блестяще зная особенности многих говоров, Даль вводил в свои рассказы диалектизмы очень осторожно, тщательно отбирая их. Большинство диалектизмов в произведениях писателя — лексические, и среди них особо следует выделить этнографические — названия предметов местного обихода. Преобладание этнографических диалектизмов нетрудно объяснить: подавляющее большинство повестей, рассказов и очерков писателя включает этнографические описания одежды, утвари, обычаев жителей данной местности.

Примеров использования терминологической лексики местных говоров в языке литературных произведений Даля можно указать множество; например, из диалекта уральских казаков: *бударка* (лодка), *ятовь* (омут, в который красная рыба ложится на спячку), *кокурка* (булочка с яйцом), *сорока* (женский головной убор), *поднизь* (бахрома на женском головном уборе) («Уральский казак»).

Как же вводится диалектная лексика в язык рассказа? Подавляющее большинство диалектных слов непонятно читателю и требует пояснений. Разъяснение значений диалектизмов делается автором в сносках. Например, в «Уральском казаке» поясняются значения диалектных слов: «*каймак* — упаренное до густоты молоко со сливками и густыми пенками; *кокурка* — пшеничный хлебец, в котором запечено яйцо. Оно держится таким образом очень долго».

Но еще чаще разъяснение значения слова дается здесь же, в тексте; для лексических диалектизмов — как синоним к слову, для этнографических — как развернутое объяснение: «Старуха... — в память Федора Тиропа всегда варила *колево*, сиречь кутью пшеничную»; «... пестрила *сдобные булки* ключом, наперстком, не то *гребнем*, уже не тем

гребнем, что в бане космы расчесывают, а тем, что лен чешут»; «... *зверь*, как он называет рыбу...»; «... живут *гольмянами*, т. е. порою, временем, полосою...»; «надевала ... *сороку*, женский головной убор, заменяющий со времени замужества в праздничные дни девичью поднизь...» («Уральский казак»).

В ряде случаев диалектная лексика вводится в авторскую речь или речь персонажей без пояснения автора и без примечания редактора, и это затрудняет понимание текста. Можно предположить, что В. И. Даль оставляет эти слова без объяснения, так как считает, что они должны быть понятны читателю.

Ср. «... Старик... закинул лапоть под лавку, колодку под кутник, кочадык на полати» («Иван лапотник») (*кутник* — здесь: прилавок в углу; *кочадык* — шило для плетения лаптей); «бывал когда-то хлебец, да град побил, ранним снегом придавило, дождями повалило — а там еще и мха напала» (там же) (*мха* — ржа на хлебе, болезнь колоса); «...а только после сильной бури озеро выкидывает на берег, что выбьет водой из потонувшего села, со дна озера: черепья, ночвы, деревянные ложки, берестянки, тусски, обечайки...» («Подземное село») (*ночва* — неглубокое, тонко отделанное корытце, лоток; *обечайки* — бока сита, решета, лукошка, барабана; *берестянка* — посуда из бересты; *тус* — берестяная кубышка с тугою крышкой).

Характерно, что терминологическая диалектная лексика вводится преимущественно в авторскую речь.

В речи персонажей этнографические и лексические диалектизмы используются реже; например, в рассказе «Окрутник» («Небывалое в былом, или Былое в небывалом») в речи крестьянина: «Была уже и у меня *собинка* и скот в ту пору был *вязный*...» В сноске указано: «*собинка*, *собина* — собственность; так прикащики называют скот, который пригоняют вместе с хозяйским гуртом для себя; *вязный* — сытый, жирный; *вязь* — жир на скоте».

Передаются в рассказах Даля и слова профессиональной лексики: терминология местных промыслов (охоты, рыболовства и т. п.), терминология различных видов кустарного производства. По своему происхождению такие слова (а также устойчивые сочетания слов) сближаются с профессиональной терминологией, так как называют предметы и явления, относящиеся к определенной отрасли

производства; с диалектной лексикой они сближаются в силу территориальной ограниченности употребления¹.

Примеры профессиональной диалектной лексики можно встретить в очерке «Уральский казак»: *аханное рыболовство*, *шиханы ставить*, *быть в отnose*, *закрой*, *завесить черни*. Пояснения этих терминов делаются автором в сносках: «На аханное рыболовство выезжают на санях, по льду морскому. При моряне лед взламывает и спирает; казаки говорят тогда: «шиханы ставить». Если сделается после этого верховой ветер, то рыбаков уносит на огромных плавающих льдинах в открытое море. Это называется «быть в отnose»; «закрой — расстояние, на котором судно на море скрывается под кругозором. Это верст 12»; «завесить черни» — т. е. удалиться от берега».

Некоторые слова из терминологии медвежатников передаются в рассказе «Рогатина»: *подсаживать*; *ратовище* («вырубили каждый по сосенке на ратовище»), *трубка* («трубка узенька»), *шейка* («держи рогатину под шейку») — части рогатины.

Наряду с лексическими диалектизмами Даль вводит в язык своих книг и фонетические диалектизмы. Использование этих диалектизмов у писателя весьма своеобразно.

Передавая фонетические особенности говоров в речи персонажей, Даль в авторском отступлении обязательно знакомит читателя с характером произношения в данной местности, иногда объясняя то или иное явление в тексте художественного произведения как диалектолог. Ср: в рассказе «Бесчестье»: «Ну доцьнька, — сказал Онисим, воротившись домой с базару: — ну, доцьнька, рядись; женишок есть; я тя просватал; ... ладно, что ли?» — «Цаво ладно, — отвечала она: — по рукам бито, да ладно ли! Цаво я знаю, ладно ль, коли не сказываешь зенишка-то!»

Заметим, что в этой местности, где восточное оканье сталкивается с тамбовским аканьем, народ цокает. Непонятно, откуда говор этот зашел в эту межеумочную полосу;

¹ Известно, например, что военная и военно-морская терминология употребляется всеми людьми военной профессии, а местная терминология медвежатников употребляется только охотниками — жителями данной местности, между тем как в другой местности у охотников за медведями возможны иные термины.

кажется, это устроилось, чтобы сгладить хотя несколько резкость такого перехода» (речь идет об Ардатовском уезде. — В. П.).

В очерке «Уральский казак» можно наблюдать собственно уже не передачу фонетических диалектизмов, а короткое сообщение автора о характере говора: «Надобно вам еще сказать, что Маркиана Проклятова, как и всех земляков его, можно узнать по говору; он только слово вымолвит, и сказать ему положительно: ты — уральский казак. Так же легко узнать по говору хозяйку его Харитину и дочерей Минодору и Гликерию, хотя в говоре, в произношении казаков и их родительниц¹ нет ничего общего. Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую согласную букву, налегает на *p*, на *c*, на *m*; гласные буквы, напротив, складывает: вы не услышите у него ни чистого *a*, ни *o*, ни *y*. Родительницы, напротив, живучи особняком в тесном кругу своем, вечно дома, все без изъятия перенимают друг у друга шепелявить и произносить букву *л* мягче обыкновенного.

Они ходят гулять и веселиться на *синчик* в *сёльковой субенке*, а «синчик» называется у них первосенний лед до пороши».

В рассказе «Полуношник» автор также рассказывает об особенностях произношения уральских казачек: «... Орипа Мироновна, хотя и называла поклонника своего в глаза заморской цуцелкой, потому что Орипа Мироновна, как и все землячки ее, пришепetyвала — хотя и не раз угроживала, что наденет ему подойник с молоком на голову, но либо пожалела молоцка, либо пожалела молодца, потому что угрозы не исполнила».

Как видно из всего сказанного, главной особенностью использования диалектизмов в творчестве В. И. Даля является самая строгая детерминация диалектной лексики, обязательное указание на место бытования этих диалектизмов. Необходимо отметить также абсолютное преобладание этнографических и лексических диалектизмов над другими словами диалектной лексики.

Эти особенности объясняются целью использования диалектной лексики: диалектизмы нужны В. И. Далю для

¹ Выше Даль поясняет, что родительницами казаки называют матерей, жен, сестер, дочерей.

этнографического описания жизни и быта русского крестьянина. Кроме того, автор стремится познакомить читателя со всеми разновидностями богатого, горячо любимого им русского языка.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

(Н. Успенский, Ф. Решетников, А. Левитов, В. Слепцов)

Необходимо остановиться на особенностях использования диалектной лексики в творчестве писателей-шестидесятников, среди которых для нас могут представить наибольший интерес Н. Успенский, Ф. Решетников, В. Слепцов, А. Левитов.

Этих писателей объединяет общность идейного содержания творчества, а также сходство в манере письма и в выборе изобразительных средств.

Основной пафос творчества этой группы писателей — в обличении мерзости существующей жизни, отрицании порожденной крепостничеством действительности. Они поставили себе целью показать нищету, бесправие и забитость крестьянства и городских низов как неизбежное следствие существования порочного государственного строя в царской России.

Им так же глубоко чуждо было стремление как-то приукрасить действительность, скрыть то отрицательное, что есть в их героях, как и стремление доказать, что «и крестьяне тоже люди». У них нет сомнения в том, что у крестьян и всех «низших» угнетенных классов такое же право на хорошую, счастливую жизнь, как и у правящих классов. Эти писатели ставили перед собой задачу отразить последствия угнетения экономического, политического и морального, и поэтому они не боялись показать действительность во всей ее грубой наготе.

Без сентиментальной идеализации, объективно эти писатели изображают достоинства и недостатки своих героев, представителей трудового народа. Большая любовь к народу и вера в его силы дают им право учить людей критическому отношению к жизни и собственной судьбе.

Общей направленностью и идейным содержанием творчества обусловлено и жанровое своеобразие произведений

этих писателей. Их излюбленный жанр — очерк. Об этом убедительно свидетельствуют и названия произведений: «Сцены из сельского праздника...», «Дорожные сцены», «Из дневных записок» (Н. Успенский), «Типы и сцены сельской ярмарки», «Один доктор (Больничный эскиз)», «Нравы московских девственных улиц» (Очерк), «Беспечальный народ (Шоссейные типы, картины и сцены)» и др. (А. Левитов), «Очерки обозной жизни» (Ф. Решетников), «Питомка (Деревенские сцены)», «Свиньи (Деревенские сцены)», «Сцены в больнице» и др. (В. Слепцов).

В большинстве своем эти очерки представляют собой зарисовки с натуры, маленькие сценки с большим числом действующих лиц; явное предпочтение в них отдается диалогу; ряд произведений написан в форме сказа.

Язык их ярок и своеобразен. Его характеризует прежде всего значительно более широкое, чем это было свойственно вообще для литературного языка XIX века, употребление элементов просторечия и жаргона, а также диалектной лексики¹. Как уже говорилось, в произведениях этих писателей большое число действующих лиц (особенно это характерно для Н. Успенского). Желание социально детерминировать речь каждого персонажа в произведении заставляет писателей вводить в язык действующих лиц элементы профессиональной лексики, лексики церковной, семинарского жаргона и др. (См., например, у Н. Успенского в очерке «Былое» письмо семинариста, у Ф. Решетникова в «Горнозаводских людях» — рассказ полесовщика и др.)

Речь своих героев писатели стараются передать фотографически точно, не объясняя непонятных для читателя диалектных слов, не заменяя просторечных элементов в их речи, не смягчая и не выбрасывая вульгарных и бранных слов и выражений.

У Н. Успенского в речи крестьян передаются этнографические и лексические диалектизмы, например названия одежды и обуви: *кичка*, *завеска* (фартук), *панёва* или *панява*

¹ Подробно язык произведений Н. Успенского рассмотрен в интересном исследовании С. А. Копорского «О языке Н. В. Успенского». (Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина, т. XV, вып. 1), материалы которого используются в настоящей работе.

(род юбки), *свитка* (верхняя мужская одежда), *подпояска* (пояс); названия домашней утвари: *поставец* (шкаф), *хлуд* (жердь), *рубель* (валек для катания белья), а также *играть* (петь) *песни*, *гуторить* (говорить).

Передаются и грамматические, преимущественно морфологические, диалектизмы: окончание *-у* в предложном падеже в изъявительном и временном значении у существительных мужского рода: «об этом *псу*», «при *вечеру*», «при *прасковьином девичнику*»; отсутствие личного окончания в 3-м лице настоящего времени у глаголов: «рот *дере*, *разбере*, кто *кося?* кто *паша?* кто *навоз возя?*»

В речи крестьян воспроизводятся и фонетические диалектизмы: яканье — *гнядой*, *ряшение*, *трявожете*, *хращеная* и др; произношение *х* и *хв* на месте *ф*, свойственное южно-великорусским говорам, — *понахвида*, *конхветка*, *ляхляндец*; *у* неслоговое на месте *в* — *усе*, *усякие*, *улей* (влей), *у твоём доме* и др.

Диалектная лексика используется при передаче речи персонажей и А. Левитовым. Например: «косы выбились из-под золотой кики» (женский головной убор), «от самой страшной *середы*» (среда), «толкует о какой-то школе, о каком-то *ужбилишии*» (училище), «по собственному признанию рассказчика, перед ненастным временем визжит он от этих ног как связанный *просук*» (поросенок).

Только в одном случае А. Левитов указывает на фонетическое явление в речи персонажей — произношение долгого твердого *ш*: *кошшунник*, *кошшунствуют*, *пишшанье*, *пишшит*.

Точно так же и в рассказах В. Слепцова можно отметить лексические диалектизмы: «тряпье уложили в *коробья*» (коробы), *корониться* (хорониться — прятаться), «*моча* (дожди) одолела», «*сидел у пенька*» (долбленный улей); морфологические: *у старшине*, *ходять*, *детшца моя*; и отдельные фонетические: *нешто*, *ношное*, *полуцала*, *цитала*.

В произведениях Н. Успенского, А. Левитова и В. Слепцова наряду с диалектизмами встречается и просторечная лексика. См., например, у Успенского: *аль*, *скорешча*, *нонеча*, *теперича*, *этому*, *делов*, *завсегда* и др.; у Левитова: *акромья*, *надоть*, *хошь*, *примай*, *ослобони* и др.; у Слепцова: *махоньякая*, *испить*, *ноне*, *нешто*, *испужались*, *скидавай*, и др.

Если внимательно рассмотреть диалектизмы, введенные в язык действующих лиц этих очерков, то можно заметить,

что авторы не стремятся более или менее точно отразить особенности того или иного говора: они стремятся показать только своеобразие языка персонажей, его отличия от литературного языка.

Исключение в этом плане составляет «этнографический очерк (из жизни бурлаков)» Ф. Решетникова «Подлиповцы».

Это большое произведение о жизни крестьян села Подлиповки, ушедших от тяжелой жизни бурлачить. Автор подробно рассказывает о судьбе своих героев — Пилы, Сысойки, Матрены.

Подробно описывая их жизнь, автор обращает особое внимание на своеобразие их речи.

Речь Пилы и Сысойки, Матрены и Апроськи, сыновей Пилы и других крестьян чрезвычайно насыщена различными диалектизмами, существенно отличающими ее от литературного языка.

Лексические, грамматические (как морфологические, так и синтаксические) и фонетические диалектизмы широко включены в речь персонажей. Вернее, здесь даже не следует говорить о «включении», так как «включение» предполагает введение отдельных диалектных элементов в общий строй литературного языка, тогда как у Решетникова это натуралистическое воспроизведение говора.

Об этом свидетельствует первая же реплика Пилы: «Эко диво! — сказал он, сторонясь от ветра. Ветер и стужа его злили. — Как пойдешь? Гли, што днется... — Он начал шагать и тонул в снегу. — Эк, испугались! Врешь! Ишь ты, цуцело, околить бы те!..

— Эй вы, цуцелы! Померли али нет?

С полатей раздался стон.

— Ошцю живы! — сказал он весело».

Даже при поверхностном наблюдении за речью подлиповцев можно отметить подчеркиваемую автором скудость словарного состава их языка, обилие междометий и вводных слов. В «Подлиповцах» писатель особенно резко выделяет грубость речи, характерную для большинства персонажей в произведениях указанных выше авторов.

Ф. М. Решетников натуралистически воспроизводит речь своих героев, чтобы подчеркнуть темноту, забитость и отсталость Пилы, Сысойки и их земляков-крестьян:

« — Апроська помирає.

— А может, представляется? Не помрет?

— Кто ее знает. А конючит больно: подь, баєт, к Сысойке, снеси картошки, да пусть, баєт, придет молочка потрескать».

«— У, Апроська! стерво ты... леший!» — вскричал со злостью Сысойко. Ему слишком было обидно, что Апроська померла...»

«... А пошто она издохла?.. Пошто? — вскричал Сысойко».

Следует подчеркнуть, что просторечная и диалектная лексика передается у рассматриваемых писателей, как правило, только в речи персонажей. Разумеется, в авторскую речь также входят некоторые лексические, вернее, этнографические диалектизмы — названия предметов местного быта, для которых в литературном языке нет соответствующих синонимов, но этим обычно и ограничивается введение диалектизмов в авторскую речь.

Нельзя не указать и на то обстоятельство, что диалектизмы были в какой-то степени свойственны речи некоторых писателей и употреблялись ими ненамеренно. С. А. Копорский пишет о Николае Успенском: «Часто трудно решить, сознательно автор употребляет тот или иной диалектизм или он сам так говорит, вводит диалектизмы в письменную речь, не осознавая их диалектальности»¹.

Есть основания предполагать, что и Решетников бессознательно воспроизводил в авторской речи особенности диалекта. Если не сделать этого предположения, то трудно объяснить, например, своеобразное употребление слова *девушка* в «Подлиповцах».

В конце очерка рассказывается о смерти двух детей: мальчика четырех лет и двухлетней девочки:

« — Ишь ты! — сказал Пила и стал щупать мальчика. — Помер.

— Кто? — спросил Сысойко.

— Парень.

— Ну и ладно... А девка-то? — спросил Сысойко и высунул голову с полатей.

Пила вытащил за ногу и девушку. Она была мертвая».

¹ С. А. Копорский, О языке Н. В. Успенского. Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина, т. XV, вып. 1, стр. 259.

«Пила положил мальчика и девушку на лавку и долго смотрел на них жалобно...»

Употребление слова *девушка* в значении «маленькая девочка», несомненно, диалектизм у самого автора, так как в речи персонажей оно вообще не встречается. Это слово с таким же значением находим и в рассказе Решетникова «Ставленник»: «Шести- и семидетних девушек отец и мать учат читать по церковной азбуке, писать».

Очевидно, приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, что все названные выше писатели не пользовались методом специального отбора диалектной лексики для введения ее в язык произведения. Они не ставили вопроса о возможности обогащения языка художественной литературы языковыми средствами говоров; просторечная и диалектная лексика, использованная в языке персонажей, подчинялась у них основной задаче — помочь как можно точнее показать читателю отдельные куски действительности. Поскольку просторечие и говоры — это те единицы общенародного русского языка, которые служат средством общения для героев произведений этих писателей, последние считали себя обязанными передавать диалектные и просторечные особенности речи персонажей.

Вместе с тем, вводя диалектную и просторечную лексику в язык художественного произведения, они преследовали и другую цель — демократизировать литературный язык, противопоставить народную речь условно красивому языку дворянской литературы.

ДИАЛЕКТИЗМЫ У И. С. ТУРГЕНЕВА

К числу писателей, составляющих славу и гордость русской литературы, принадлежит И. С. Тургенев. Язык произведений И. С. Тургенева оказал большое влияние на русский литературный язык.

Язык Тургенева интересен для нас тем, что в нем широко используются разговорные элементы, просторечие и особенности местных диалектов. Использование этих элементов обусловлено некоторыми особенностями литературного языка того времени и особенностями творчества Тургенева.

Во-первых, в литературном языке 40-х годов XIX века наблюдается «стилистический упор на живую устную

речь, на народные говоры, на письменно-бытовые и разговорные диалекты, жаргоны и стили города»¹.

Во-вторых, в большинстве своих повестей и очерков Тургенев выступает как рассказчик, а такая форма требует определенных языковых средств и, в частности, использования разговорных и просторечных элементов.

Просторечие и диалектизмы используются главным образом в языке «Записок охотника». В этом произведении большинство рассказов бесфабульно, и поэтому основное значение придается образам героев, что определяет внимание автора к речевым характеристикам².

Необходимо отметить, что писатель был знаком с Курско-Орловскими диалектами южновеликорусского наречия. Это обстоятельство обусловило не только правильную передачу в языке его произведений конкретных языковых особенностей южных говоров, но и присутствие там произвольно введенных им элементов просторечия и диалектизмов.

На наличие просторечных элементов и диалектизмов, свойственных речи самого писателя, указывают исследователи языка Тургенева: «В уголку стоял столик»; «Ерофей отвязал *ведерку*...»; «Все его семейство состоит из одного *сыншика*». Тургенев употребляет диалектное слово *крыша* в соответствии со словом *крышка* литературного языка: *крыша гроба, сундука, рояля*.

Как показывают приведенные примеры, произвольные диалектизмы автора — это не слова и формы, сугубо специфичные, характерные только для говора, а диалектные слова и формы, близкие просторечию или, скорее, разговорной речи. Присутствие их в языке произведений никоим образом не могло обогатить авторскую речь, и поэтому, работая над улучшением языка, Тургенев прежде всего очищал его от подобных слов и выражений.

Однако даже после многочисленных поправок, как авторских, так и редакторских, в авторской речи Тургенева можно встретить просторечные слова. Ср., например, в романе «Новь»: «Марианна вернулась за свечой, которую оставила на *подоконнице* пустой комнаты...»; «Соломин подошел

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в., 1988, стр. 306.

² На это указывает один из исследователей творчества Тургенева М. А. Шелякин.

не спеша к обоим посетителям, *даванул* молча руку каждого из них своей мозолистой, костлявой рукой...»; «Василий Федотыч! Действовать? — закричал Соломину *напоследях* Павел, проводивший его до ворот»; «Все чины и власти города О... получили приглашение, начиная с городничего и кончая аптекарем, необыкновенно *чирым* немцем...» («*чирый* — самодовольный, областное слово орловского говора» — примечание редакции). Это же слово находим в авторской речи романа «Накануне».

Но, уничтожая свойственные его индивидуальной речи диалектизмы и просторечные обороты, Тургенев отнюдь не отказывается от диалектной и просторечной лексики как стилистических элементов языка художественного произведения и широко вводит их как в авторскую речь, так и в речь действующих лиц.

В первом же рассказе цикла «Записки охотника» — «Хорь и Калиныч» — Тургенев вводит в авторскую речь диалектизм *площадя*: «В Орловской губернии последние леса и *площадя* исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет». (В примечании автор говорит: «Площадями» называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов; орловское наречие отличается вообще множеством своеобразных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов».)

Уже по этому примечанию можно предположить, что при использовании «своеобытных слов и оборотов» автор использует метод строгого их отбора.

И, действительно, Тургенев тщательно отбирал языковые средства говоров, пригодные для использования в языке литературного произведения. В последующих редакциях «Записок» ряд диалектизмов исключается из текста и заменяется словами литературного языка.

Так, устраняются фонетические черты, характерные для просторечной и диалектной лексики: *молонья*, *пилюкать*, *аржаной*, *песельник*, *арпельник*, *фершел*, *титтор* и др. Заменяется ряд диалектных и просторечных слов, имеющих синонимы в литературном языке: *пень* (ствол) — на *ствол*, *завод* (порода) — на *порода* и др.¹

Но и после такой правки в языке «Записок охотника» сохраняются диалектизмы. Какие же диалектные особенно-

¹ Примеры заимствованы у М. А. Шелякина.

сти автор считает необходимым сохранить в языке произведений?

Диалектизмы, используемые в авторской речи и в языке персонажей, различны как по своим функциям, так и по грамматической природе.

Подавляющее большинство диалектизмов в авторской речи лексические, причем среди них преобладают слова, которые являются названиями предметов, свойственных быту изображаемых персонажей, т. е. лексика этнографическая: «За несколько медных грошей баба отдает «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную *панёву*» («Хорь и Калиныч»); «Бабы в клетчатых *панёвах* швыряли щепками в недогадливых или слишком усердных собак» («Бурмистр»); «...*чуйка*, вдетая на один рукав...» («Певцы») (*чуйка* — длинный сукопный кафтан); «...девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная *покромкой*, с фонарем в руке, показалась на пороге» («Бирюк») (*покромка* — женский пояс, большей частью из суконной кромки); «В последнее время бабы нашли выгодным красть у самих себя и сбывать таким образом пеньку, в особенности *замашки*» («Хорь и Калиныч») (*замашки* — поскопъ); «Избенки отведены мужикам скверные, тесные: деревца кругом не увидишь; *сажалки* даже нету; колодезь один, да и тот никуда не годится...» («Два помещика») (*сажалка* — запруда или колдобина с водою для помочки конопли); «В *загородке* теленок промышчал...» («Касьян с Красивой Мечи») (*загородка* — отгороженное от чего-то место); «Малый в сером кафтане, конторский дежурный, расположил на старом ломберном столе самовар, чайник, стакан с разбитым блюдечком, горшок сливок и связку болховских *котёлок*, твердых, как кремль» («Контора») (*котёлки* — крендели, сваренные в котле).

Интересно отметить, что Тургенев исключил одно из слов этнографической лексики — *панёва* — из рассказа «Свидание», заменив его общеупотребительным словом *юбка*. Причиной замены (как справедливо полагает М. Шелякин) было то, что *панёва* в ряде деревень — одежда замужних женщин, а не девушек, поэтому при описании внешнего вида Акулины (молоденькой девушки) писатель и счел необходимым заменить это слово.

Этот пример показателен для характеристики метода использования диалектизмов у Тургенева. Точность в пе-

редаче слов, выразительность их — вот критерий отбора диалектной лексики у писателя.

В примерах, приведенных выше, писатель не дает пояснения указанных диалектизмов. Этнографическая диалектная лексика, вводимая в авторскую речь без пояснения, была общей для большинства южнорусских говоров и поэтому могла быть понятной многим читателям — современникам Тургенева¹. Те же диалектизмы, которые были ограничены в употреблении определенной узкой территорией, поясняются автором сразу, в тексте или в сносках; например: «майер» — так в орловском наречии называется широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым камышом»; «Однажды рьяный битюк помчал его под гору к оврагу» (примечание автора: «Битюками, или с битюка, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии около известного «Хренового» (бывшего конного завода гр. Орловой)); «Эта избушка — кабак, прозванный «Притынным» (примечание автора: «Притынным называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое уютное место»); «Я никогда не видел более проныцательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки» (примечание автора: «Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом»).

Фонетические и морфологические диалектизмы в авторской речи единичны; собственно, это не слова авторской речи, а косвенная речь персонажей: «Купчики сидели в стороне, как говорится, «на чуку» («Лебедянь»); «Дюжий казак торчал на тощем мерине с оленьей шеей и продавал его «совсим», то есть с седлом и уздечкой» («Лебедянь»); «Обоим братьям непременно хотелось запрячь в корень «чалого», потому «ён с горы спущать могит» («Стучит»).

Характер диалектной лексики, введенной Тургеневым в речь действующих лиц, несколько иной.

¹ С. А. Копорский приводит интересное наблюдение об общности диалектной лексики в языке произведений трех писателей-южновеликорусов: Н. Успенского, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого; например, в произведениях Н. Успенского и И. С. Тургенева совпадают диалектизмы: *бучило, свитка, панёва, засека, задворье, арательник, казюли, телега завалилась*. В произведениях Л. Н. Толстого тоже встречаются ряд южновеликорусских диалектизмов, которые мы находим у И. С. Тургенева: *панёва, играть песни* и др.

Передача своеобразия речи крестьян, указание на отличия ее от литературного языка способствуют реалистичности описания.

Так же, как в авторской речи, в языке персонажей используются лексические диалектизмы.

Некоторые из них также называют явления и предметы, специфичные для природы и быта южных губерний России во времена Тургенева: «Кругом все такие буераки, овраги, а в оврагах все *казюли* водятся» («Бежин луг») (замечание автора: «Казюли—по-орловскому: змеи»); «...шел сперва все нашим орешником, а потом лужком пошел — знаешь, там, где он *сугибелью* выходит, там ведь есть *бучило*; знаешь, оно все еще камышом заросло» («Бежин луг») (замечания автора: «Сугибель — крутой поворот в овраге», «бучило — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом»); «Я бы свел тебя, пожалуй, на *ссечки*...» («Касьян с Красивой Мечи») (замечание автора: «Ссечки — срубленное место в лесу»).

Как видно из указанных примеров, так же как в языке авторском, диалектные слова в речи персонажей поясняются Тургеневым.

Диалектизмы лексические вводятся автором в язык рассказов со строго определенной целью: слова местных диалектов являются косвенным указанием на место действия, служат для локализации изображаемых событий. Введение диалектной лексики с этой целью способствует реалистичности описания: в «Записках охотника» автор знакомит читателя с местной природой, бытом и обычаями местных жителей, используя для этого слова говора.

Особенностью использования диалектизмов в языке героев является ограниченное введение диалектизмов морфологических и фонетических.

Писатель, как правило, не использует для характеристики речи персонажей передачу фонетических закономерностей южновеликорусских говоров, таких, как «яканье», произношение *х* и *хв* на месте звука *ф*, произношение *г* фрикативного, оглушающегося на конце слова в *х*, и т. д. Те единичные фонетические диалектизмы, которые вводятся в язык героев рассказов, представляя собой своеобразно оформленные в звуковом отношении слова (так называемые лексико-фонетические диалектизмы): «И не я один грешный... много других *хрестьян* в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да!» («Касьян с Красивой

Мечи»); «А то, говорят, есть такие лягушки *махоньки*» («Бежин луг»); «И такой странный был человек! В *тверёзом* виде не лгал» («Однодворец Овсянников»); «Собакам *чучьё* заливаает, ружья осекаются...» («Живые мощи»).

Иногда автор приводит в языке персонажей слова книжной лексики, чуждой говору, изменившие вследствие этого свой фонетический облик: «А *французя* топим, батюшка» («Однодворец Овсянников»); «А мы, батюшка, *посредственника удовлетворили*; все по твоему приказу действовали, батюшка» («Бурмистр»). Произношение этих слов не является специфически диалектным, оно близко к просторечному.

Воспроизведенные в языке действующих лиц морфологические диалектизмы также близки к грамматическим нормам просторечия: «Расклеилась, да из *дырьев* клепки *повываливались*» («Льгов»); «А Сергею Сергеичу именье-то по *наследствию* досталось» («Льгов»); «Человек я бессемейный, *непосед*» («Касьян с Красивой Мечи»); «Жена здорова?—Что ей *деется*» («Контора»); «...ведь он *юродивец*, и прозвище ему Блоха» («Касьян с Красивой Мечи»); «Я говорю: стучит! Нагнитесь-ка и *послушайте*» («Стучит»).

Таких грамматических особенностей, специфичных для южных говоров, как совпадение форм родительного, дательного и предложного падежей в форме дательного-предложного падежа у существительных женского рода (*у сестре, к сестре, о сестре*), мягкое окончание 3-го лица глаголов настоящего времени (*идуть, несут, идет, несет* и др.), писатель не передает. Но и диалектно-просторечные формы, подобные указанным выше, вводятся в диалоги очень осторожно, и число их незначительно. Тургенев не ставит своей целью передать в точности речь своих персонажей, однако введением в общий строй устного литературного языка отдельных диалектных и просторечных слов и форм подчеркивает своеобразие этой речи.

Но в отдельных случаях назначение диалектизмов, вводимых в язык произведений, иное. Иногда писатель вводит диалектное слово в язык рассказа потому, что оно представляется ему более точно передающим значение называемого словом понятия, чем синонимичное слово литературного языка. Подобные диалектизмы Тургенев вводит в текст, иногда не раскрывая их значения: «Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в на-

ших краях, *облый*, с большим лицом, с большими глазами и губами, с большими взъерошенными волосами...» («Два приятеля») (в примечаниях редакции указывается: «*Облый* — круглый; в орловско-курском говоре употреблялось в значении: тучный, тяжелый, грузный); «Нам случилось однажды войти в избу крестьянки, только что потерявшей единственного, горячо любимого сына, и, к немалому нашему удивлению, найти ее совершенно спокойною, чуть не веселюю. «Не замайте, — сказал ее муж, от которого, вероятно, не скрылось это удивление, — она теперь *закостенела*». И Литвинов так же *закостенел*» («Дым»); «После пожара этот заброшенный человек приютился, или, как говорят орловцы, *притулился*, у садовника Митрофана» («Малиновая вода»); «От него отказались, как от человека ни на какую работу не годного — *лядащаго*, как говорится у нас в Орле» («Ермолай и мельничиха»).

С этой же целью в рассказе «Затишье» Тургенев передает местную поговорку, включающую меткое слово диалектной лексики:

«— И неизвестно, куда он уехал?»

— Неизвестно.

— *Пощобелил*, да и за щеку, — заметил Иван Ильич.

— *Пощобелил*, да и за щеку, — повторил Ипатов» (примечание редакции: «Употребление глагола «щобелить», отсутствующего в словаре Даля, отмечено советскими диалектологами в Тульской области в значении «лущить орехи, подсолнухи». В прежнее время он применялся, вероятно, и в смысле «жевать» (например, табачную жвачку). В последнем значении употребляется в письме И. С. Тургенева к Я. Полонскому»).

Диалектная и просторечная лексика используется Тургеневым при характеристике языка героев и как средство индивидуализации его. Например, в рассказе «Петушков» автор передает диалектные и просторечные выражения в речи помещицы Василисы для показа ее ограниченности, подчеркивая тем самым всю нелепость большой любви к ней Петушкова: «Полноте, говорят вам, на улицы... *Не обиждайте*» (окончание *ы* в предложном падеже подчеркнуто самим автором).

Желая обратить внимание читателя на невысокий культурный уровень г-на Полутыкина («Хорь и Калиныч»), Тургенев отмечает при описании «некоторых водившихся за ним слабостей»: «вместо «однако» говорил «одначе».

Подобный пример использования диалектизмов отмечаем и в пьесе «Месяц в деревне» (образ Большинцова). Собственно, в речи Большинцова диалектизмы не передаются, реплики его немногословны, речь отрывиста, изобилует вводными словами. Большинцов — крайне ограниченный человек. Вот как другой герой пьесы, Шпигельский, насмешливо характеризует его речь: «Вам иногда случается, любезный мой Афанасий Иваныч, говорить: *крухт* и *фост*. Оно, пожалуй, отчего же... можно... но, знаете ли: слова — фрукт и хвост как-то употребительнее; более, так сказать, в употребление вошли».

Анализ диалектной и просторечной лексики в языке произведений Тургенева был бы неполным, если бы мы не упомянули об использовании им специальной лексики охоты, ремесел и т. п. Эти группы профессиональной лексики тесно связаны с местными говорами и очень часто пополняются за счет слов говоров.

Писатель, например, передает как в авторской речи, так и в языке действующих лиц отдельные термины бумажного производства:

«— А он (домовой) у вас где водится?—спросил Павлуша.

— В старой *рольне*.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом с Авдюшкой в *лисовщиках* состоим.

— Вишь ты — фабричные!» («Бежин луг»).

Автор сам делает примечания, в которых объясняет значения этих терминов: «Рольней» и «черпальней» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом». «Лисовщики» гладят, скоблят бумагу».

Приводимый выше диалог свидетельствует о том, что указанные слова профессиональной лексики употребительны среди крестьянских мальчиков, работающих на фабрике, поэтому введение их в язык вполне оправдано.

В авторской речи Тургенева и в языке действующих лиц передаются слова и выражения, характерные для лексикона охотников: «В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идет за ним шагом, болезненно прищурив глаза и преувеличенно высунув язык...» («Малиновая вода»); «Утки шумно поднимались, «срыва-

лись» с пруда» («Льгов»); «Борзые «приспели»... беляк присел, круто повернул назад и ринулся, мимо Ермолая, в кусты...» («Чертопханов и Недолюскин»).

Передаёт писатель в своих рассказах и разветвленную терминологию птицеловов: «Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полоую воду, рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев с «лешевой дудкой», с «кукушкиным перелетом» (примечание автора: «Охотникам до соловьев эти названия знакомы: ими обозначаются лучшие «колена» в соловьином пенье»).

Очень много специальных слов и выражений, свойственных птицеловам, приводится в рассказе старого охотника «О соловьях». Тургенев знакомит читателя со всеми «коленами» соловьиного пения: «пулъкание», «клыкание», «дробь», «раскат» и др.

Таковы некоторые особенности использования И. С. Тургеневым диалектной лексики. Он не был единственным среди писателей-реалистов XIX века, кто вводил диалектизмы в язык художественных произведений. Диалектизмы можно встретить в произведениях и Л. Н. Толстого, и Н. А. Некрасова, и многих других. Но именно Тургенев первым из писателей подошел к диалектам русского языка как средству обогащения языка художественной литературы.

Критическое отношение к словам говора, отбор метких, художественно ценных слов, сохранение смысловой ясности речи при введении элементов местных говоров, типичность для говора слов, вводимых в язык произведений, — таковы принципы использования Тургеневым слов диалектной лексики.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одной из особенностей языка советской литературы первых периодов является то, что в него вливается широкий поток диалектизмов и профессионализмов.

Причины этого явления заключаются в стремлении писателей демократизировать литературный язык. Используя языковое богатство диалектов, писатели старались реалистически изобразить жизнь крестьянства, правильно обрисовать своих героев путем воспроизведения их языка, в той или иной степени отличного от литературного.

Однако некоторые авторы — и молодые, и такие «протопопы от литературы» (по шутливому выражению Горького), как Серафимович, — на первых порах неправильно подошли к разрешению вопроса о роли диалектизмов в языке литературных произведений советской эпохи.

Эти писатели выдвинули лозунг создания «нового литературного языка», «языка революции», который был попят некоторыми как отрицание «старого» языка, языка «обработанного мастерами» — классиками русской литературы, передовыми общественными деятелями и учеными России. Этот лозунг был воспринят как право и даже обязанность писателя вводить в язык своих произведений не только профессионализмы и диалектизмы, но и элементы просторечия, вульгаризмы и даже элементы жаргонов, вводить как самоцель, без отбора, без критического отношения к слову.

Лозунг создания «нового» языка путем использования слов из диалектов, профессиональной лексики, жаргонов или же плодов словотворчества самих писателей и уничтожения накопленного в течение веков явился следствием забвения положений В. И. Ленина,

В. И. Ленин писал: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

Сказанное Лениным о пролетарской культуре в еще большей степени относится к языку. Язык нации живет века и передается от поколения к поколению. Эпохи больших социальных и политических сдвигов вносят только некоторые изменения в словарь и фразеологию языка, не меняя его по существу. Поэтому задача писателя заключается не в достойном Дон-Кихота стремлении построить «новый» язык, а в умелом использовании и обогащении существующего великого русского языка.

А. М. Горький указывал на то, что «русская литература обладает языковым богатством «народников», а также лексиконами таких своеобразных стилистов, как Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков, Лесков, Г. Успенский, Чехов». Он призывал молодых писателей учиться у них литературной технике и языку.

В 1934 г. на страницах «Литературной газеты» шла дискуссия о языке художественной литературы. Поводом для нее явилось обсуждение языка книг Ф. Панферова. Активное участие в этой дискуссии принял М. Горький, который критиковал Ф. Панферова, выступившего с требованием писать «новым языком, созданным революцией», с требованием пополнять литературный язык «новыми» словами, даже если большинство этих слов невыразительно и не имеет художественной ценности.

На этой дискуссии Горький резко выступил против «словесного шукачества», против засилия вульгаризмов и арготизмов в языке, а также против неумелого использования в литературном языке диалектизмов: «...Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям так же мешает ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов...» (Г о р ь к и й, О прозе).

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 262.

Редакция Ц. О. «Правда», подводя итоги дискуссии, подтвердила правоту М. Горького.

Выступления Горького и редакционная статья «Правды» указали советским писателям пути работы над языком и стилем и, в частности, методы работы над использованием элементов народных говоров в литературном языке, опровергнув ошибочную теорию создания «нового языка».

Но эта теория, имевшая до дискуссии значительное число сторонников, все же оказала влияние на творчество ряда писателей. Влияние ее сказалось, в частности, и в способах использования диалектной лексики в языке художественной литературы.

Авторы и защитники теории «нового языка», в соответствии с их желаниями или вопреки им, вынуждены были обратиться к диалектной и профессиональной лексике, жаргонам и индивидуальному словотворчеству как материалам для построения «нового языка». Неправильное у сторонников теории «нового языка» или нечеткое, неясное у других писателей, сочувствующих этой теории, понимание цели использования указанных выше слоев лексики общенародного языка мешало найти правильные методы употребления элементов диалектов и профессиональной лексики как средств обогащения языка художественной литературы.

Как уже было отмечено, в языке произведений тех лет о деревне, как правило, используются диалектизмы (исключение составляют немногие писатели, например А. Неверов: в языке его повестей «Андрон Непутевый», «Гуси-лебеди» и в рассказах диалектизмы обычно отсутствуют).

Речевые средства территориальных диалектов широко используются в книгах А. Каравановой («Лесозавод»), Л. Сейфуллиной («Перегоняй» и «Виринея»), Ф. Панферова («Бруски»), В. Иванова («Бронепоезд № 14-69», «Партизаны»), П. Замойского («Лапти») и других.

Однако у большинства писателей отсутствует стремление использовать диалектную лексику для наглядного изображения быта своих героев, для обозначения близких, привычных для них предметов. Именно этим и объясняется характер диалектных явлений, воспроизводимых в языке художественных произведений.

Единичны так называемые этнографические диалектизмы — слова, называющие явления, свойственные быту

только данной группы населения (здесь — крестьян деревни или волости) и поэтому не вошедшие в литературный язык. Почти нет таких слов в произведениях Сейфуллиной, Панферова, немногочисленны они в «Лесозаводе» Караваевой: «за самопряху обижаешь» (*самопряха* — прялка), «протянула инженеру плетеное наберышко» (*наберышко* — лукошко), «вода в глиняной носатке» (*носатка* — глиняный горшок с носиком для умывания) и др.

Мало слов, относящихся к другой разновидности лексических диалектизмов, — слов-синонимов к словам литературного языка, называющих общеупотребительные предметы быта, отвлеченные понятия и др.: у Сейфуллиной *побаски* (рассказы, анекдоты), *веред* (нарыв), у Караваевой — «налил *шары-то* (глаза) и бахвалится», «дождь *баской*» (хороший) и др.

В отношении использования лексических диалектизмов исключение составляет П. Замойский (имеется в виду его роман «Лапти»), который стремится познакомить читателя с обстановкой, окружающей его персонажей, и поэтому внимательно отмечает все особенности их быта, вводя названия необщеупотребительных понятий в язык произведения: «За *топкой* надо бы сходить. Завтра хлебы печь, а *топка* сырая»; «*закалила* два десятка яиц»; «... *бороновалку-то* я ведь продал...»; «...*предбазарье-то* вон, вишь, какое, лучше базара»; «...Прасковья надевала *кичку*, гляделась в зеркало». Значение этих слов понятно из контекста. Но иногда писатель использует своеобразные, непонятные и в контексте слова, снабжая их сносками-пояснениями: «... а в случае какая *грешина* (пожар), тащите все на конопляник»; «За столом в дыму, словно за *торпищем* (пологом) писарь сидит»; «С подмарья спрыгнул кот...» (примечание: «*подмарье* — куток, где держат зимой теленка»); «... в обед, когда работа немоготу, долго лежат в *обносах*» (примечание: «*обносы* — суслоны, кресты»). Интересно, что в некоторых примечаниях для разъяснения указываются как синонимы тоже слова диалектного происхождения: *куток* — угол, *суслоны, кресты* — группы снопов, составленные для просушки; *крестец* — снопы, сложенные крестом, *суслон* — снопы, поставленные стоймя (по словарю Даля).

Но, как указывалось выше, интерес к этнографическим и лексическим диалектизмам не характерен для этих писателей. Значительно шире используются диалектизмы фоне-

тические и морфологические (см. язык повестей Сейфуллиной, романов Караваевой, Панферова, повестей В. Иванова и других). Они вводятся исключительно с целью показать неправильности речи героев, ее отличие от литературного языка. Именно поэтому их часто нельзя причислить к собственно фонетическим диалектизмам, т. е. к таким, которые отражают фонетическую систему того или иного говора. На самом деле, они, преследуя указанную выше цель, носят характер лексико-фонетический: отражают произношение отдельных слов, например: *хучь*, *нонешни*, *скусный*, *баушка*, *заплотим*, *плочено*, *кажрый*, *страм*, *апося*, *игде*, *примать* (Сейфуллина), *хрисьяне* (крестьяне), *николды*, *конче*, *рази* (разве), *христьянин* (В. Иванов).

Особо при этом следует отметить передачу своеобразного произношения слов мало знакомой говорам книжной лексики: *с гумагой*, *антирес*, *андел*, *халиганы* (Сейфуллина), *по мленю* (Панферов), *мериканцы*, *щиколад*, *брондепояс* (бронепоезд) (В. Иванов).

Вместе с тем надо иметь в виду, что в некоторых случаях писатели дают написание слов в своеобразной фонетической транскрипции, что с внешней стороны делает такие слова похожими на фонетические диалектизмы; однако на самом деле это часто бывает простой передачей живого произношения, в большинстве случаев не отличающегося от литературного. Так, например, передается слово «што» («Бруски» Панферова, «Виринея» Сейфуллиной, «Бронепоезд 14-69», «Партизаны» В. Иванова и у других). Это не диалектное, а правильное литературное произношение, тогда как произношение «что» нарушало бы законы орфоэпии. То же самое следует сказать и о произношении «сичас» («Виринея»), «Стипан» («Лапти» П. Замойского) и др. В повести «Бронепоезд № 14-69» В. Иванова передается орфоэпическое произношение слов: *патеха*, *скора*, *верна*, *бальшим*, *обязательна*. Произношение *a* в безударных слогах на месте гласных *a* и *o* — так называемое «аканье» — одна из основных черт русской литературной орфоэпии. Ср. также: «А я *милицию* организую» (там же; произношение *ы* после твердого согласного *ц* закономерно для русского литературного языка); («Поди, как ему *скушно!*») («Лапти» П. Замойского; произношение *ин* в слове «скучно» рекомендуется правилами орфоэпии).

К группе морфологических диалектизмов относятся слова, передающие особенности словоизменения и словооб-

разования в говорах: *получшай* (получше), *зачнут*, *волокет*, *завсегда*, *завроде*, *сомуцают* (смущают) (Сейфуллина); *без време*, *позорица такая*, *помогатель* (Панферов); *надежда на бронипоезду*, *обрать* (обратно), *допреж*, *империализма самая* (В. Иванов).

Наряду с введением отдельных слов, в которых находят свое отражение те или иные морфологические особенности говоров, писатели в ряде случаев подмечают типичные черты самой грамматической системы диалектов. Это обусловливает тот факт, что в языке произведения довольно отчетливо находит себе отражение та или иная существенная морфологическая черта, например стяжение гласных в глагольных формах и формах прилагательных: *поноухат*, *вникат*, *знат*, *разбираат*, *вручам*, *омманыват* (в романах Сейфуллиной); *нову телегу*, *книжку каку*, *картинки божественны*, *само главно* (в повестях В. Иванова).

Во многих говорах, как северных, так и южных, шире, чем в литературном языке, распространены формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода с окончанием *-у*, а также формы предложного падежа с местным значением на ударяемое *ѹ*. Это явление отражено и в языке некоторых из указанных произведений: *из городу*, *в городу*, *от слову*, *не дадим хлебу*, *без венцу*, *без паспорту* (Сейфуллина); *рыбацково роду*, *до Владивостоку*, *домов в камню* (В. Иванов).

Благодаря широте своего распространения подобные формы некоторыми исследователями рассматриваются уже не как диалектные, а как просторечные.

В языке каждого из названных выше произведений очень часты языковые факты, присущие «сниженному» литературному языку, вошедшему в себя особенности различных говоров, т. е. просторечию, особенности, которые свойственны не отдельным диалектам, а являются принадлежностью стилистической разновидности общенародного языка: *скалгатит*, *пужайтесь*, *энти*, *поболе*, *куды*, *Митрий*, *Микола* (Сейфуллина); *попёр*, *пуцай*, *лишков много*, *утопнет* (Ф. Панферов); *нету*, *али*, *кабы*, *рази*, *отыдем* (В. Иванов); *ихний*, *небось*, *четыринадцать годов* (П. Замойский).

Для многих из этих произведений характерно использование наряду с диалектной лексикой вульгаризмов, причем зачастую злоупотребление последними. Вульгаризмы очень часты в речи персонажей, а иногда даже и в

авторской речи. Они переплетаются с просторечными элементами и диалектизмами: «Сердце на *фырчок нетерпящее*»; «А ничего: пища, что сами едят, и без *ругачки...*»; «Горло зубами перегрызу, *морду когтями изнахрачу*» (Сейфуллина, «Виринея»); «Заткни *хайло, толстопузый!*»; «*Дербалызни* его по затылку-то, забудет, как изъяснять» (Сейфуллина, «Пережной»); «Где ты, *прорва тебя раздери?*»; «Зачем вы все *зрятину порете?*» (П. Замойский, «Лапти»); «Крой их по лысым *кумполом!*»; «*Попёр* ломаться» (Панферов, «Бруски») и многие другие.

Манера использования диалектизмов в языке указанных выше книг и ряда других произведений художественной литературы 20 — 30-х годов в большей или меньшей степени обусловлена теорией о создании «нового» языка. Ограниченное число лексических и этнографических диалектизмов в речи персонажей и автора свидетельствует о том, что диалектизмы не призваны служить большей правдивости описания, не используются для изображения типических героев в типических обстоятельствах и не служат даже для создания «местного колорита».

Диалектизмы не использовались и как средство обогащения языка художественной литературы. Об этом свидетельствует, во-первых, характер диалектных явлений, вводимых в язык книг: передача отдельных морфологических и фонетических диалектизмов, которые прежде всего подчеркивают «неправильность» речи, создают впечатление недостаточной языковой культуры говорящих и в результате мешают восприятию художественного произведения, снижая его ценность.

Диалектизмы в языке книг Л. Сейфуллиной, А. Караваевой, Ф. Панферова, В. Иванова служат наряду с языковыми средствами просторечия, вульгаризмами, специальной терминологией средством создания «нового» языка художественной литературы, отличного от «старого» литературного языка.

Снижая язык героев, писатели стремились подчеркнуть резкое отличие своих персонажей от прежних героев литературных произведений — особенно из числа представителей правящих классов, — отличие не только в моральном отношении, но и во внешнем облике и речи.

И эти «неправильности» речи — а только так в основном и могут расцениваться используемые диалектизмы — должны были наряду с другими изобразительными

средствами служить для выражения контраста между внешним, и духовным обликом героя.

Иногда подобное снижение образа, нагромождение языковых ошибок было чрезмерным и мешало читателю почувствовать внутреннюю красоту героя. Особенно ясно это видно на примере языка Софрона из произведения Сейфуллиной «Перегной». Несомненно, писательница хотела показать внешие грубого, но всей душой преданного революции, справедливого и гуманного Софрона, но обязательная передача в каждом слове, в каждой реплике героя фонетических и морфологических диалектизмов, вульгаризмов чрезвычайно огрубляет этот образ: «Чего в землю буркалы-то упирашь?»; «А следоват! Бей их, чертей вальяжных!»; «Товарищ Артамон Петрович, как мы, партийные, понимать должны?»; «Песня эта для пролетарию складена».

Наконец, можно указать еще на один недостаток, связанный с употреблением диалектизмов в языке рассматриваемых художественных произведений. Это — плохое зачастую знакомство писателей с говорами, что приводит к тому, что в речи одного и того же персонажа или в языке персонажей, говорящих на одном диалекте, писатель передает несовместимые явления, не могущие реально сосуществовать. Так, при отмеченном уже северном характере говоров, передаваемых в романах Сейфуллиной «Перегной» и «Виринея», в них можно встретить и примеры «аканья» — явления, специфичного для южно- и средне-великорусских говоров: *апосля, какой спесивай*; или южное: «я тебе подымала» (ср. с литературным и северным *тебя*).

В «Партизанах» В. Иванова в речи Кубди наблюдается причудливое соединение южного «яканья» (*бяда, зялёнай*), «аканья» (*лешай*) и таких северных черт, как стяжение гласных в глаголах: *умират, работаи, делат, слопаи*, а также употребление слова *туес*, характерного для северной лексики.

Мы умышленно остановились на отрицательных сторонах явления, не отмечая несомненно имеющихся достоинств в языке художественной литературы этого времени, так как многие недостатки связаны, как уже говорилось выше, с неправильной теорией создания «нового» литературного языка.

Эти недостатки устранялись по мере того, как было опровергнуто положение о «новом» литературном языке,

по мере того, как писатели находили нужную форму для нового содержания произведений советской литературы.

Молодые писатели учились у классиков русской литературы художественному мастерству, в частности использованию элементов народных говоров в литературном языке.

Примером того, как нужно использовать диалектную лексику в художественной литературе, может служить язык произведений Алексея Максимовича Горького. Выступления А. М. Горького против употребления «провинциализмов» и «местных речений» не означают, что писатель вообще был противником использования диалектизмов в литературном языке. А. М. Горький всегда утверждал, что языку пуживо учиться у народа. Он выступал только против неразборчивого употребления неудачных «местных речений», против огульного перенесения всех и всяких элементов говоров в литературный язык. Он указывал пути использования особенностей говоров, требуя критического отношения к ним, строгого отбора: «Автор может возразить: «Такие слова — говорят, я их слышал!» Мало ли что и мало ли как говорят в нашей огромной стране, — литератор должен уметь отобрать для работы изображения словом наиболее живучие, четкие, простые и ясные слова» («По поводу одной полемики»).

«Всякий материал, — а язык особенно, — требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, — ясного, точного, красочного, звучного, и — дальнейшего, любовного развития этого лучшего» («О прозе»).

Сам писатель умело использует диалектизмы в языке своих произведений.

Особенно часто передаются особенности волжских диалектов в языке трилогии («Детство», «В людях», «Мои университеты»): «Экой ведь благодатной»; «экой ты ладной, экой крепкой» («В людях»); «Пригнали тогда в Балахну нашу десятка три пленников: все народ сухонской, мелкой» («Детство»). Эти примеры свидетельствуют о передаче Горьким в речи своих героев «окапья».

В речи действующих лиц много лексических диалектизмов — слов, принадлежащих владими́ро-поволжским говорам: «А ты все-таки потревожил Варину-то *домовину*» (*домовина* — гроб); «Идет между яблонь эдакой *могутной*, в белой рубахе, в плисовых штанах»; «Не бей *голиц*, за них деньги даны» (*голицы* — рукавицы) и др.

Таковы некоторые замечания о методах использования диалектной лексики у писателей 20—30-х годов. Можно с уверенностью сказать, что эти методы в настоящее время изменились. Это определяется следующими обстоятельствами. Была предана забвению «теория» так называемого «нового языка», которая определяла в известной степени особенности употребления диалектной лексики в языке художественного произведения. Изменились взаимоотношения между литературным языком и говорами. Усилилось влияние литературного языка на говоры.

Значительно выросло мастерство самих советских писателей. Одним из блестящих мастеров советской литературы становится М. А. Шолохов, очень широко использующий в языке своих книг речевые средства территориальных диалектов (диалектов Дона).

Чем же характеризуется язык художественной литературы последующих периодов (довоенного, периода Великой Отечественной войны и послевоенного) в области использования диалектизмов?

На новых этапах большинство писателей, пишущих о деревне, передает в языке своих книг особенности местных говоров. Необходимо учесть, однако, что говоры претерпевают в эти годы огромные изменения. Коллективизация, механизация сельского хозяйства изменили жизнь и быт крестьянства. По мере объединения единоличных хозяйств в коллективные выходят из употребления орудия производства, применяемые в единоличном хозяйстве. По мере улучшения материальных условий жизни крестьян, по мере сближения города и деревни исчезают из обихода самодельная домашняя утварь, домотканое белье и платье и т. п., заменяясь «городскими», фабричного производства вещами. И в соответствии с этими процессами возникает тенденция к исчезновению из говоров слов — названий подобных предметов и явлений. Одновременно происходит и процесс пополнения говоров словами литературного языка. Грамматический строй говоров также постепенно подчиняется законам грамматики литературного языка.

Такое усиление влияния литературного языка на диалекты объясняется теми изменениями, которые произошли

в деревне за годы после Октябрьской революции (введение всеобщего обучения, организация широкой сети библиотек и клубов, радиофикация сел и деревень).

Характерные черты диалектов сейчас можно отметить преимущественно в речи старшего поколения деревни. В языке представителей среднего поколения и особенно молодежи особенности говора стираются, и речь подчиняется нормам литературного языка.

Только изучая речь представителей старшего поколения сельского населения, диалектологи могут составить приблизительное представление о том, каким был говор несколько десятилетий тому назад. Разумеется, нельзя полностью отрицать влияния местных диалектов на речь молодого поколения современной деревни. И сейчас, подвергаясь сильному влиянию литературного языка, говоры еще сохраняются в общенародном языке как его ответвления.

Система говора подчиняет своему влиянию речь каждого его носителя. Однако степень этого влияния различна: в речи старших представителей населения оно может выражаться в резких отличиях от литературного языка и других говоров; в речи молодого поколения — в передаче отдельных слов бытовой лексики, а также некоторых присущих диалекту закономерностей употребления слов и словообразования.

Некоторые диалектные черты очень устойчивы и сохраняются в языке уроженца деревни в течение длительного времени, иногда не исчезая совсем из его речи, несмотря на теоретическое овладение носителем говора нормами литературного языка в средней, а иногда и высшей школе. Так, очень устойчиво «оканье» для северян, «яканье» и произношение z фрикативного в соответствии с z взрывным в литературном языке для жителей южных областей СССР и др.

Писатели, изображающие современную советскую деревню и обязанные правдиво показывать жизнь своих героев, не могут оставлять незамеченными эти особенности их языка.

Диалектные особенности помогают писателям более реалистически описывать жизнь, быт и облик своих героев. Именно поэтому в них часто используются этнографические и лексические диалектизмы.

С жизнью и бытом колхозников знакомят читателя местные названия предметов бытового обихода, утвари, быта, например, в «Жатве» Г. Николаевой: *укладка* (сундук; «опростай укладку, Авдотья!»); *кошевка*, *розвальни* (названия экипажей; «Ты в кошевке или в розвальнях?»); *поседки* (вечернее собрание молодежи; «Вы что, ай на поседки собрались?»); *грещинники*, *ячменники* (названия кушаний). То же наблюдаем в «Весне» С. Антонова: «Трактор кривуляет, разворачивается каждую минуту, ровно козулю пляшет» (*козуля* — название танца); «У дяди Ивана самая просторная изба, и беседы чаще всего мы затевали в его горнице» (*беседа* — вечернее собрание молодежи; *горница* — здесь: чистая, парадная часть дома); «Они (рябятишки)... стали сразу баловать, кидаться казанками, подставлять пожки» (*казанки* — бабки). У В. Тендрякова: «Чупров задумал спалить бесполезный соснычок на Демьяновской согре» (*согра* — плохой лесок по болоту) («Падение Ивана Чупрова»); «Паневки-то бабки моей мне от матери отошли» («Чужая родня»).

Авторы книг знакомят читателя также с своеобразной ветеринарнологической лексикой диалекта. Ср., например, употребление диалектных глагольных образований: «Один раз *поголосила* и хватит» («Жатва» Г. Николаевой); «Не *посулишь* мне кирпичика, Павел Тимофеев?» («Осень в Щеглах» А. Вальцевой); «В клетчатом платке, *хоронясь* от грязи, как кошка, прошла домой Лелька-ветеринарша...» («Весна» С. Антонова).

Часто лексические диалектизмы, употребляемые действующими лицами, не нуждаются в пояснениях: в силу своей семантической выразительности (они образованы от корней, известных литературному языку) и благодаря контексту они понятны читателю: «Севообороты нарушились. Так и *захудали*»; «Не говорила бы я, да ты довел своими *покорами!*»; «Может, в прошлые годы вы хорошо работали, а почему в нынешнем плохо *хозяйевали?*»; «Чего ты *разневестиласть?*»; «Да ведь маменька *свогобычлива*» («Жатва» Г. Николаевой); «Скоро *засентябрит*» («Осень в Щеглах» А. Вальцевой); «Ребят кое-как выгнали и поставили в дверях Лешу с *лозиной*» («Весна» С. Антонова).

Широко используются слова, входящие в словарь литературного языка, но имеющие в говоре другое значение, т. е. являющиеся семантическими диалектизмами: «А то я сам не *угадаю* невесту выбрать» (т. е. не сумею, не смогу);

«Добрые колхозники уже в поле работают»; «Купила бы девке добрую игрушку» (добрый в значении «хороший»); «Как худые козы из звена в звено бегают» (худые — плохие) («Жатва» Г. Николаевой).

Наряду с лексическими и семантическими диалектизмами передаются и своеобразные фразеологические группы слов: «Я на нее сердца не держу»; «Все принял в молчок»; «Сознательности в нем нет ни на ломану полушку»; «А то меня завидки берут»; «...Вы в охвостях ходите» («Жатва» Г. Николаевой); «Крестная тогда у печи стояла, так чуть ума не решилась» («Весна» С. Антонова).

Морфологические и фонетические диалектизмы передаются значительно реже; но в некоторых произведениях в язык действующих лиц вводятся такие диалектизмы, по характеру которых можно определить, к какому наречию принадлежит говор, которым пользуются персонажи романа.

Так, речи действующих лиц романа Г. Николаевой «Жатва» свойственны некоторые северные черты: 1) употребление стяженных форм прилагательных в роли определения: «густо-солоно, тепло озеро, неуютна волна»; «земля, родима матушка»; «собирал на погорелу церковь»; 2) своеобразное, не свойственное современному литературному языку, но характерное для северных говоров образование глаголов: «Полюха без вас ни разу не тапливала»; «Ты про ферму все отписывала»; «Я его повыгоняю»; «И шубу его в снег повывывирнул».

В романе А. Вальцевой «Осень в Щеглах» передается такая особенность, характерная для южных говоров, как отнесение ко 2-му склонению существительных женского рода с окончанием на мягкий согласный: «Когда дожди пойдут, в грязе копать» или «...в родниковой воде, в грязе»; и такой фонетико-морфологический диалектизм, как стяжение гласных в мужских собственных именах — в передаче отчества: Павел Тимофев, Сергей Николаев. Неоднократное повторение слова в таком звучании свидетельствует о том, что подобное произношение характерно для говора, хотя вообще стяжение гласных — явление, более свойственное северным говорам.

Часто передаются авторами в речи колхозников — действующих лиц и синтаксические диалектизмы. Ср. в романе А. Вальцевой «Осень в Щеглах»: 1) употребление полной формы прилагательного или причастия в функции предиката со связкой *быть* или без нее в соответствии

с краткой формой в литературном языке: «Так пойдн и убеднсь н прнзнай, что был *неправый*»; «Мед на пасеке так н стоял, даром что Дубкову *выписанный*»; 2) употребление союзного слова *какой*, выступающего в южновеликорусских говорах в той же функции, что н слово *который* в литературном языке, в определительных придаточных предложениях: «...как тот дед в старой русской сказке, *какой* в пятьдесят лет решил, что он уж старый»; «возродить породу битюгов, *какими* наши воронежские края славились»; «чтобы ты н еще бабы, *у каких* маленькие, на работу спокойно ходили».

Следует отметить, что, за исключением Шолохова, ни у кого из писателей нет детальной передачи характерных для говора закономерностей, показа системы говора. Обычно территориальная детерминация говора достигается путем указания на некоторые его признаки. Кроме того, в книгах, например Николаевой н Вальцевой, прямо или косвенно указывается на место действия.

Часто в языке книги отсутствуют характерные черты говора в целом, а передаются только отдельные диалектные слова н особенности (например, в рассказах Антонова н других).

Диалектизмы передаются не только в речи персонажей, но н в авторской речи. Диалектизмы в авторской речи обычно немногочисленны н относятся преимущественно к лексическим: «Вася то н дело наклоняется к кучам *бодыльев*»; «...а *вервие* гнилое, рвется да рвется...»; «...враз *захолодало*, все говорят: *засентябрило*...» («Осень в Щеглах» А. Вальцевой); «...с *отвычки* ноги у него обмякли...»; «...ни в чем ему не *перечила*...»; «...если *обрядно*, неторопливо, чинно, соблюдая обряд» («Жатва» Г. Николаевой); «Мягко ступая *чёсанками*, вошла Стеша» («Чужая родня» В. Тендрякова).

Эти слова, так же как н подобные слова в языке действующих лиц, не нуждаются в объяснении значения, так как большинство из них отличается от однокоренных слов литературного языка только способом образования.

Для использования в авторской речи отбираются диалектизмы, которые вследствие своей выразительности, точности отражения понятия могут обогатить литературный язык.

Лексические диалектизмы в языке художественного произведения зачастую многочисленны, об этом можно судить даже по приведенным примерам. Но для читателя,

не занимающегося анализом языка книги, такой вывод является неожиданным. Диалектизмы большей частью незаметно вплетены в словесную ткань языка, не выделяются, не привлекают к себе внимания читателя. Это достигается прежде всего правильным отбором семантически выразительных слов говора.

Немалое значение имеет и то обстоятельство, что для введения в язык художественного произведения чаще используются не специфичные, резко отличные от литературного языка слова, а диалектизмы, свойственные большому числу говоров, т. е. слова, близкие к просторечию. Ср.: «Ты что на меня *серчаешь?*» (А. Вальцева); «Неделю назад он *воротился* из армии» (С. Антонов).

Употребительны и свойственные просторечию особенности в изменении слов: «...и двадцать процентов не те будут, весом станут *потяжелыше*»; «*Помене*, чем ты видал на Кубани»; «...сорок пять *дён*»; «ты сколько *годов* жить собираешься?» (А. Вальцева).

Органическое сочетание слов говора и литературного языка достигается также умело подобранным контекстом, в который вводятся диалектные слова. Многие писатели связывают речевые средства говора с элементами фольклора. У героев книг о деревне живая, образная речь, включающая пословицы, поговорки, песни: «В доме у него лад да склад»; «Не по твоей холстинке, а по моей хотинке»; «Старуха вокруг меня плетенки плетет»; «Травинка к травинке, что шерстинка к шерстинке» («Жатва» Г. Николаевой); «Важны не начини, а кончины»; «У злой Натальи все люди канальи»; «Лихих глаз и стыд неймет»; «Каковы веки, таковы и чело-веки»; «Там хвост начало, где голова мочало»; «Дорогой товар из земли растет» («Осень в Щеглах» А. Вальцевой).

Как правило, эти афоризмы, яркие и выразительные поговорки не принадлежат одному-двум острьякам и балагурам, а характерны для речи всех персонажей цитируемых произведений. И поэтому совершенно естественно то, что в этой образной, органически включающей богатства русского народного творчества речи передается звуковое, грамматическое и лексическое своеобразие говора.

Диалектизмы вводятся писателями не только с целью наиболее достоверной передачи внешнего облика, языка героев произведения. Зачастую они используются в целях усиления экспрессивности языка. В связи

с тем, что диалектизмы необычны, новы для литературного языка, они кажутся выразительными, экспрессивно окрашенными, а поэтому некоторые из них способны создать яркий художественный образ, который не может быть создан употреблением литературного синонима. Повышенная экспрессивность таких слов и используется авторами литературных произведений.

В романе Г. Николаевой «Жатва» названия трех глав в повести — диалектизмы: лексико-фонетический диалектизм — «Ващурка» (четвертая глава), лексический диалектизм — «Жалейка» (шестая глава) и лексико-морфологический диалектизм — «пеутопная» в сочетании «Неутопная волпа» (одиннадцатая глава). В четвертой главе делается примечание к заглавию «Ващурка» — ящерица. «Ващуркой» называет Василий молоденькую, шуструю, отчаянную девчонку Дуняшку — свою будущую жену.

«— Ловко ты скачешь, девчонка! — Василий хотел поймать ее, но она выскользнула, смеясь, изогнувшись, и скользнула в кусты.

— Ващурка — сказал Василий, глядя ей вслед».

«...Кто же это глядел на меня так? Да вот они опять, эти глаза! Да ведь это та самая — «Ващурка!»

На протяжении главы девушка неоднократно сравнивается с «ващуркой». Эта глава имеет большое значение для развития сюжета романа; автор рисует здесь поэтический образ юной Дуляшки, рассказывает читателю о ее первой любви. Созданию образа помогает это неоднократно подчеркиваемое сравнение девушки с «ващуркой».

Писательница очень удачно использовала здесь диалектизм. Слово *ящерица* в литературном языке в прямом значении эмоционально не окрашено. Переносное употребление слова возможно, но не общеупотребительно, индивидуально (в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, нет указания на переносное значение слова). При переносном употреблении слово получает скорее отрицательную эмоциональную окраску (не резко выраженную): ящерицей может быть назван человек ловкий и хитрый, умеющий лавировать.

Так как ящерица обладает большой подвижностью и юркостью, этим словом можно также назвать и очень подвижного, ловкого и быстрого в движениях человека.

В этом значении и употреблено Г. Николаевой слово *ва-*

щурка. Диалектное слово *ващурка* имеет положительную эмоциональную окраску, которая создается здесь новым, отличным от литературного звучанием, добавляющим новые штрихи в обрисовке образа и выражающим теплое, любовное отношение автора к своей героине.

Название четвертой главы — лексический диалектизм «Жалейка». Значение слова объясняется автором: «На крыльце сидел внучонок Матвейча, по прозвищу Славка Головастик, и старательно дул в самодельную дудку, которую за жалостные звуки в селе прозвали «Жалейкой». Слово несет здесь большую смысловую нагрузку. Начальные слова песенки «Ты, жалейка, жалейка моя...» являются лейтмотивом этой главы. «Тебе, Валентина Алексеевна, самое подходящее занятие — на жалейке дудеть», — говорит Василий Валентине, осуждая ее неправильное поведение, и позже, идя на партийное собрание, мысленно называет ее «Жалейкой». Г. Николаева ставит здесь вопрос о настоящей, суровой, подлинной заботе о колхозниках и кажущейся заботливости, «жалости», которой поддалась Валентина. Это слово, взятое из говора, употребляется вследствие его большей выразительности по сравнению со словом литературного языка (автор сам указывает литературный синоним слова — *дудка*). Слово с производной основой *жалейка*, образованное от глагола *жалеть*, становится эмоциональным.

Одиннадцатая глава первой части книги носит название «Неутопная волна». И здесь значение непонятого, диалектного слова раскрывается в содержании: «неутопной волной» называется вода соленого озера, в котором купалась Авдотья еще девочкой. Но это выражение имеет в книге и иное значение: «неутопная волна» — это бурный поток советской жизни, который не дает утонуть хорошему человеку, честной труженице Авдотье.

Диалектизм этот употребляется в выражении, напоминающем зачины русских народных сказок: «Густо-солону, тепло озеро, неутопная волна, хоть гиря к ногам привязана — не даст потонуть, наверх вышесет». Это выражение повторяется дважды. В названии главы прилагательное выступает в полной форме, а в тексте главы используется свойственная говору стяженная форма прилагательного в функции определения. Слово *неутопная* не может быть заменено одним словом — синонимом литературного языка,

а только целым оборотом: «та, которая не даст утраты». Г. Николаева использует диалектизм вследствие большей его точности. И здесь диалектизм так же выразителен и экспрессивен, так же выделяется и запоминается.

К подобному же приему использования диалектизмов как средства художественной выразительности прибегает и писательница А. Вальцева, называя один из своих рассказов «Непростимая ошибка». («Непростимую ошибку» допустила в своей жизни коммунист Мария Захаровна. Измученная тяжелой работой, семейными заботами, получив извещение о смерти мужа, она настояла на освобождении от должности заведующей животноводческой фермой, от «ведущей профессии» и очутилась в «накладных расходах» в Доме приезжих).

Автор делает заглавием рассказа сочетание существительного со страдательным причастием настоящего времени от глагола *простить*, употребляемое в говоре. В литературном языке соответствующее понятие может быть выражено прилагательным *непростительный* — не заслуживающий прощения. Различие между диалектным и литературным синонимами обусловлено различием значения этих слов как разных частей речи: если прилагательное *непростительный* указывает на качество ошибки, то в причастии выделяется иное значение: ошибка, которую кто-то не может простить. Диалектизм вводится потому, что обладает большей экспрессивностью, чем соответствующее слово литературного языка, и точнее передает понятие.

Передача диалектизмов в языке художественного произведения о деревне — одно из эффективных средств реалистического изображения действительности и обогащения языка. И оно широко и плодотворно используется советскими писателями. Это средство будет использоваться до тех пор, пока существует различие между литературным языком и диалектами.

МАСТЕРСТВО М. А. ШОЛОХОВА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА

Если исследователь касается вопроса об использовании диалектизмов в языке советской художественной литературы, он не может не упомянуть о стиле известного со-

ветского писателя М. А. Шолохова. Метод использования диалектной лексики Шолоховым требует подробного анализа.

М. А. Шолохов — один из талантливейших советских писателей. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» любимы нашими читателями за большевистскую партийность, за правдивость и художественность в изображении жизни, за своеобразный, красивый, подлинно народный язык.

Старейший русский писатель А. С. Серафимович пишет о языке ранних «Донских рассказов» М. Шолохова: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды...»

Но язык «Донских рассказов» — это еще только материал, работая над которым Шолохов создает «свой» оригинальный язык и стиль зрелых произведений, так же как сами рассказы — талантливые наброски, материал к знаменитой эпопее — «Тихому Дону».

Язык произведений Шолохова — образец тесного, органического сплетения богатств народных говоров и литературного языка.

Истоки мастерства Шолохова следует искать в фольклоре. Писатель широко использует в своих книгах народное творчество казачества. Само название «Тихий Дон» взято из казачьих песен. Также из песен взяты и эпиграфы к главам. В романе приведены тексты песен, которые поются его героями, — и походных, и задушевных лирических, и веселых плясовых.

Средства художественного изображения — метафоры, сравнения, эпитеты — почерпнуты автором из фольклора. Так же как в устном народном творчестве, материалом для сравнений и метафор служит жизнь казачества, окружающая их природа. Специфической особенностью авторской речи Шолохова являются развернутые сравнения, в которых дается подробное описание какого-либо явления из жизни природы; с этим явлением и сравнивается судьба героев. Используя художественные приемы, свойственные народному творчеству, Шолохов одновременно широко вводит в текст диалектные слова и выражения, что в совокупности создает яркое впечатление образной народной речи.

Обыкновенно в «Тихом Доне» развернутым сравнением начинается глава¹.

«Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава, в степи начинаются весенние *палы*. Потоками струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой *аржанец*, взлетает по высоким *будыльям* татарника, скользит по бурым верхушкам *чернобыла*, стелется по низинам... И после долго пахнет в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли. Кругом весело зеленеет молодая трава, трепещут над нею в голубом небе бесчисленные жаворонки, пасутся по *кормовитой зеленке пролетные* гуси, и выют гнезда осевшие на лето стрепета. А там, где прошлись *палы*, зловеще чернеет мертвая обуглившаяся земля. Не гнездует на ней птица, стороною обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль.

Как выжженная *палами* степь, черна стала жизнь Григория» («Тихий Дон»).

«Всходит остролистая зеленая пшеница, растет; через полтора месяца грач *хоронится* в ней с головой, и не видно; сосет из земли соки, выколосится, потом зацветет, золотая пыль кроет колос; пабухнет зерно пахучим и сладким молоком; выйдет хозяин в степь — глядит, не нарадуется. Откуда ни возьмись, забрел в хлеба табун скота: *ископытили, в пахоть затолочили* грузные колосья. Там, где валялись, — *круговины примятого* хлеба... дико и горько глядеть. Так и с Аксиньей: на вызревшее в золотом цветенье чувство наступил Гришка тяжелым сыромятным *чириком*. Испепелил, испоганил — и все.

Пусто и одичало, как на забытом и *затравевшем* лебедой и бурьяном гумне, стало на душе у Аксиньи после того, как пришла с мелеховского огорода из подсолнухов» («Тихий Дон»).

В этих отрывках диалектизмы многочисленны, но они не выделяются из общей ткани речи, а органически входят в нее, способствуя реалистичности и красочности описания.

Типичны для Шолохова короткие, меткие сравнения, материал для которых взят из быта казаков, из жизни род-

¹ См., например, XX главу 1 части первой книги, XIX и XXIV главы 5 части третьей книги, XVIII главу 6 части четвертой книги. Но иногда сравнение бывает и в середине и в конце главы. См., например, X главу 5 части третьей книги.

ной казаку природы, в которые также органически вплетаются диалектизмы:

«Над степью наборным казачьим поясом-чеканом лежал Млечный Путь»; «Хутор *запохожился* на потревоженный пчельник» («Тихий Дон»); «Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как *норовистый* конь перед трудным препятствием»; «Он жевал медленно, устало, как *приморенный* бык на лежке»; «*Коловертью* (водоворотом) втянуло его в события»; «Сидит Половцев, как коршун-стервятник на могильном кургане, хмурый и страшный в своем одиночестве»; «Лежит Кондрат, как *сетную дель*, перебирает в памяти прошлое» (*сетная дель*—ячейки сети) («Поднятая целина»).

Обилие диалектизмов является одной из характерных особенностей стиля Шолохова. Пожалуй, ни у одного из писателей ни в русской классической, ни в советской литературе мы не встретим такого количества слов, присущих говору, отличающихся от слов литературного языка. И тем не менее мастерство Шолохова-стилиста, создателя прекрасного образного языка, бесспорно.

Для чего же и как использует писатель языковые особенности говоров в своих книгах?

Главные действующие лица произведений Шолохова — донские казаки, и при передаче их речи писатель показывает особенности говоров Дона.

Говоры Дона очень своеобразны в силу их исторического образования. Заселение Дона началось в XV веке. Сюда шли переселенцы из разных областей России. В результате смешения наречий этих групп населения сложились говоры донских казаков, южновеликорусские по своему характеру, местами с украинскими элементами. (Их своеобразие усиливается внесением ряда татарских и турецких слов.)

Как известно, царизм старательно культивировал на Дону вражду привилегированных казаков и «иностранцев». Вражда к «иностранцам» была свойственна не только зажиточному казачеству, но и, хотя в меньшей степени, середнякам и бедноте. Казаки во всем противопоставляли себя «мужикам». «Постойте, станичники!» — обращается Штокман к казакам, желая прекратить побоище на мельнице. «Куцый кобель тебе станишник! «Мужик» — отвечают ему казаки. «Казаки от казаков ведутся» — убеждены татарцы и злобно ругают Штокмана за то, что он «захотел их в мужиков пере-

делать». Много труда нужно было положить коммунисту Штокману, чтобы уничтожить эту вражду в сознании даже таких казаков, как Котляров и Кошевой.

Несомненно, что «свой» язык казаки тоже противопоставляли «мужицъему», «чужому» языку. «Не понимаю я хохлячьего твоего языка», — снисходительно-насмешливо говорит Григорий Гаранже.

Все это явилось одной из причин стойкого сохранения говоров донских казаков. Однако более важной, если не основной причиной упорного сохранения говора казаков являлось противопоставление народного «языка» трудового крестьянства «языку» помещиков, «языку» правящих классов. Ненависть к помещикам, к офицерам переносилась на все «ихнее», чужое, каким казался и язык, отличный от диалекта казаков.

Неприязнь к Аксинье, которая изменила мужу и живет в экономах у сотника Листницкого, кучер Емельян переносит и на ее речь: «Давно ли в чириках по хутору бегала, а теперь уж не скажет «тут», а «здесь»... Вредные мне такие бабы...»

Точно так же и Григорий, который классово чужд офицерству и «промежду них был как белая ворона», свою ненависть к ним переносит и на их обычаи, и на «их язык», противопоставляя им «свое», казацкое: «И черт с вами! Не желаю учиться вашим обхождениям и приличиям. Мне ониazole быков будут ни к чему. А бог даст — жив буду, — мне же с быками возиться и не с ними же мне расшаркиваться и говорить: «Ах, подвиньтесь, лысый! Извините меня, рябый! Разрешите мне направить на вас ярмо? Милостивый государь, господин бык, покорнейше прошу не заламывать борозденного!» С ними надо покороче: цоб-цоб, вот и вся бычиная дислокация...»

И та и другая причины устойчивого сохранения донских говоров были уничтожены с установлением советской власти на Дону. В «Поднятой целине» автор показывает, как после Октябрьской революции постепенно уничтожаются сословные предрассудки в среде казачества. Однако и до сих пор говоры казачества Дона сохраняют свои специфические особенности, отличающие их от литературного языка. Это объясняется тем, что местные диалекты очень устойчивы, утрата их даже при благоприятных условиях широкого влияния литературного языка происходит медленно и постепенно.

Герои произведений Шолохова родились и выросли на Дону, женщины в большинстве своем никуда не уезжали из родного хутора, мужчины же, хотя и были в армии, но находились в составе донских казачьих частей, что способствовало сохранению диалектных черт в их языке.

Писатель-реалист, Шолохов не считает себя вправе заменить речь героев, своеобразную, во многом отличную от литературного языка, правильной литературной речью, так как это стилизовало бы речь его героев, обесцветило ее. Поэтому, реалистически изображая своих героев, Шолохов передает и типичный для них язык.

В языке произведений Шолохова используются фонетические, морфологические, лексические и синтаксические диалектизмы.

Анализируя фонетические диалектизмы, используемые Шолоховым, мы получаем представление о звуковой системе, о фонетических закономерностях говора.

Во многих примерах передается произношение гласного *о* под ударением (в соответствии с гласным *а* в литературном языке): *плотим, заплотим, заплотите, посодим, содют.*

Целый ряд фактов указывает на то, что в слове *есть* (кушать) на месте гласного древнерусского языка — *ять* в говорах Дона произносится *и* (в литературном же языке — *е*): *доисть, исть.*

Отмечено несколько примеров произношения звука *е* в именах собственных в соответствии с *и* в литературном языке: *Марея, Евдокея.*

По нескольким фактам можно установить прибавление в говоре гласного в начале слова перед согласным: гласного *а* (в орфографической передаче *о*) в словах: *орепей, громадный, осилки* и др.

Четко вырисовывается ряд звуковых особенностей донских говоров в области согласных звуков: произношение долгого твердого шипящего *ш* на месте долгого мягкого *ш* (*щ*) в литературном языке: *пропастишша, парнишша, тулупишша, колодишша, добришша, кровишши, ведьмишше, поишшупал, запишшиём, ишшупал, ишелканет, заишшучут.*

К гласным *о* и *у* в начале слова прибавляется согласный звук *в*: *вусы, вострый.* В говоре произносится слово *вдарить, вдарит* (т. е. согласный *в* в соответствии с *у* в литературном языке) и т. д.

Наряду с передачей некоторых фонетических закономерностей говора автор отмечает и своеобразное звучание отдельных слов: *страм* (или *страма*), *жисть*, *пуццай* и др.

Передается также своеобразное фонетическое оформление ряда слов, которые являются чужими для говора: *арихметика*, *анчихрист*, *инператор*, *командер*, *рестовать* (арестовать) и др.

Можно утверждать, что подобное произношение звуков, сочетаний звуков и отдельных слов не случайно, свойственно не одному или нескольким персонажам, а типично для говора: именно так произносятся эти слова всеми персонажами-казаками. Один и тот же фонетический диалектизм неоднократно повторяется в речи и Пантелея Прокофьяча, и Ильиничны, и Дуняши, и Прохора, и Степана Астахова, и деда Шукаря, и Разметнова.

У Шолохова своя, особая манера использования языковых особенностей говора, своеобразный метод введения диалектизмов в язык художественной литературы. Читателя «Тихого Дона» и «Поднятой целины» можно сравнить с человеком, приехавшим в деревню, говор жителей которой отличен от литературного языка. Сначала эти различия невольно отмечаются, невольно обращают на себя внимание; звучание слов, грамматическое оформление их необычны, некоторые слова просто непонятны. Но через некоторое время эти особенности становятся привычными, отдельные слова и обороты не фиксируются специально слухом, не отвлекают от восприятия сказанного. Говор становится знакомым, хотя и сохраняет для приезжего своеобразие. Точно так же и читатель быстро улавливает основные закономерности говора и, замечая его своеобразие, уже не отвлекается от содержания прочитанного. В этом большое мастерство Шолохова-художника, умело использующего особенности диалекта в целях реалистического изображения действительности.

То же самое следует отметить и в отношении морфологических диалектизмов: не передача образования и изменения отдельных слов, а воспроизведение грамматических особенностей всего говора характерно для языка «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Примеры употребления морфологических диалектизмов показывают, что для говора характерно в области словообразования существительных употребление суффикса *-ук-* (*-уц-*), придающего словам отрицательную эмоциональную

окраску презрения, враждебности: *черкесюка, дьяволюка, идолюка, глазиюки* и др., а также употребление суффикса *-ин-* с тем же значением и с дополнительным оттенком значения увеличительности: *вражина, ручина, голошина, напастина, кобелина* и др.

Продуктивным является и суффикс *-як-* со значением ласкательности: *друзьяк, сомяка, скотиняка* и др.

В области словоизменения существительных для донских говоров характерно отнесение ряда существительных женского рода, принадлежащих в литературном языке к 3-му склонению, в разряд слов 1-го склонения: *в степе, в пече, в глуже, в гряде, под церкву, дочерю, матерю* и др. (для большинства существительных примеры даются лишь в косвенных падежах. Исключение составляет слово *жизнь*, которое произносится как *жизня* — «моя *жизня*», «*жизня* эта, братцы, начала мне дюже нравиться»).

Существительные мужского рода в родительном падеже единственного числа имеют окончание *-у* и там, где в литературном языке соответствующее окончание *-а*: не только «кусочек *воску*», но и «сто десятин *посеву*», «глотнем *ветру*», «не было *уговору*», «с *базу*», «с *флангу*», «из царского *роду*» и т. д.

Существительное среднего рода *дитя* произносится в говоре как *дитё* и склоняется по 2-му склонению.

Ряд примеров указывает на утрату говором среднего рода. Существительные, которые в литературном языке относятся к словам среднего рода, в говоре изменяются как слова женского рода: *какая оружия, в одну месту, в зеркалу, последнюю письмо* и др.

К существительным женского рода в говоре отнесены некоторые существительные мужского рода: *одна пепла, высочайшая смотра* и др.

Для говора характерно употребление во множественном числе слов, которые в литературном языке его не имеют: *кровя, в кровях, наших кровей, сена*.

Как известно, в литературном языке существительные в родительном падеже множественного числа имеют различные окончания (для существительных мужского рода продуктивны окончания *-ов (-ев)*: *домов, столов, воробьев, братьев*; для существительных женского рода — нулевое окончание: *стен, сестер, рук, ног* и др. или окончание *-ей*: *жизней, мышей, лошадей*; для существительных среднего рода — также нулевое окончание: *мест, озер, болот*). В

говоре же для существительных всех родов продуктивным является окончание *-ов (-ев)*: *друзьев, товарищев, разноствев, Силов, сто тысячев* и др.

Характерной особенностью глагольной системы говора является замена чередования заднеязычных согласных с шипящими чередованием твердых и мягких заднеязычных при спряжении глаголов, т. е. стремление к унификации основы глагола: *может, жгешь, побегём, выпрягем* и др.

В инфинитиве глаголов широко употребляется суффикс *-ть*: *обвесть, гресть, приобрести, блюсть* (в соответствии с суффиксом инфинитива *-ти* у этих глаголов в литературном языке). У некоторых глаголов (производных от глагола *идти*) отмечается два суффикса инфинитива: *уйттить, произойттить, выйттить*.

Очень широко используется в говоре суффикс *-ну-* со значением мгновенности действия. При помощи этого суффикса (а также суффикса *-ану-*), образуются такие глаголы совершенного вида, которые не употребляются в литературном языке: *скобленул, щекотнула, стрельнул, дымнул, сепанул, резанул* и др.

В говоре очень употребительны притяжательные прилагательные, образованные посредством суффиксов *-ин-*, *-ов-*: *Христонины руки, бычьины крики, помещикову дочерю, союзниковы генералы, Натальиново дитя*.

В языке действующих лиц автор передает также особенности образования словосочетаний и предложений (синтаксические диалектизмы). Для диалекта обычно употребление в роли сказуемого со связкой *быть* или другими связками прилагательных и причастий в полной форме (а не краткой, обычной для литературного языка): «Аникей остелся живой»; «Лишь бы казаки были целые»; «лозунг был выкинутый»; «батяня будет довольный».

Для присоединения определительных придаточных предложений в говоре употребляется союзное слово *какой* (в соответствии с литературным *который*): «с огурец, какие бабы на семена оставляют»; «какие несознательные — помалкивают»; «молодых юношей, какие служат в войсках...»; «дело, за какое в бой идешь...»

Союзное слово *как* используется в придаточных предложениях времени в соответствии с *когда* в литературном языке: «видал мертвьячи кости, как дом строили»; «не забижал тебя Мишатка, как я хворала?»

Это далеко не полный перечень грамматических особенностей говора, с которыми читатель знакомится в речи персонажей романов Шолохова.

Так же свободно, как фонетические и морфологические диалектизмы, вводятся в речь действующих лиц диалектизмы лексические.

В речи персонажей употребляются, во-первых, диалектные слова, являющиеся названиями предметов и явлений, которые характерны только для быта казаков. Такие слова не имеют абсолютных синонимов в литературном языке — это так называемые этнографические диалектизмы, которые обозначают несколько иные, чем в литературном языке, хотя и близкие понятия.

Среди этнографических диалектизмов прежде всего следует назвать слова, относящиеся к быту казаков и служащие для описания мирной жизни: *баз* (двор), *курень* (дом), *утирка* (полотенце), *завеска* (фартук), *поджошки* (щепки, лучинки, служащие для разжигания печи), *прикладок* (небольшой стожок сена).

Значительно больше в речи действующих лиц лексических диалектизмов другого рода — не называющих новые предметы, а являющихся синонимами к словам литературного языка, т. е. нетерминологических диалектизмов¹. Чаще всего употребляются типичные для говора слова *кубыть* (может быть), *зараз* (сейчас), *ажник* (даже), *дюже* (очень), *нехай* (пусть, пускай), *трошки* (немного). Эти слова встречаются в речи всех персонажей казаков.

О лексических диалектизмах можно сказать то же, что и о фонетических и грамматических особенностях говора: они становятся необходимой, характерной принадлежностью ставшего знакомым читателю языка произведения. Читатель привыкает к тому, что «говорить» в говоре — *гутарить*, «прятаться» — *хорониться*, «узнать» — *угадать*, «обещать» — *сулить*, «кажется» — *гребтится*, «плакать» — *кричать*, «кричать» — *шуметь* и т. д.

¹ По «Тихому Дону» можно составить целый словарь лексических диалектизмов в говоре. К изданию 1947 г. и прилагается «Словарь местных слов и оборотов», составленный Ю. Лукиным. Однако этот словарь содержит лишь часть лексических диалектизмов говора, встречающихся в речи персонажей.

В словаре говора выделяются слова, которые образованы от корней, общих с литературным языком: *заосеняет* (наступает осень), *ручкаться* (здороваться за руку), *запеснячивает* (поет песни), *дурковали* (дурачились), *подумакивать* (думать, точнее — неоднократно задумываться о чем-нибудь).

Есть в речи персонажей и еще одна группа лексических диалектизмов. К ней относятся такие слова, которые автор специально употребляет для усиления выразительности повествования. Значение большинства их понятно читателю вследствие семантической выразительности: *зоревать* (спать на заре), *тушистый* (толстый, дородный), *сепетишь* (суетишься), *полохливый* (возбужденный, беспокойный) и др. Контекст «Глаза *тусменные* — небось, не сладко на чужой сторонущке»; «Гришка — ить он же *взгальный* — как садацет Петра вилами в бок»; «А он тем часом к спохе *прилабунится*»; «Дверь амбарную *расхлебенил*, чтобы не *хитнулась*»; «Леска *осмыгнулась* у меня в руке»; «... а они к советской власти подлегли, как *курушвыи* теленок».

Эти слова трудно поставить в синонимические ряды со словами литературными. Замена диалектизмов словами литературного языка уничтожила бы яркую экспрессию лексики говора.

Вводятся в речь персонажей (особенно часто — в речь действующих лиц «Донских рассказов») семантические диалектизмы: *потянуть* — ударить («я как *потяну* его плетью через лоб»); *зимовать* — кормить зимой («чем коровенку *зимовать* буду?»); *наказать* — приказать, велеть («*накажи* Гришке, чтобы пришел нынче»); *угадать* — узнать («*угадываешь*, Игнат?»); *превзойти* — превратиться («в труху *превзойдет*») и др.

Наряду с отдельными словами автор вводит в язык героев и местные обороты, устойчивые образные выражения: *каков голос!* — каково!; *вязы свернуть* — сломать шею; *гнуть хрип* — гнуть спину, работать на трудной работе; *рахунку дать* — довести дело до конца; *что не видно* — вскоре, вот-вот.

Неоднократно употребляемые различными персонажами, эти фразеологические обороты становятся понятными читателю, так же как и вся речь казаков.

Шолохов, как писатель-реалист, не может пройти мимо

явления, типичного для языка в годы, когда происходят события, описываемые в «Донских рассказах» и «Поднятой целине». Для этого времени характерен приток в говоры новых слов, внесенных в язык революцией. Эти новые, незнакомые, иногда не совсем понятные для носителей диалекта слова большей частью подчинялись фонетическим и грамматическим закономерностям говора. В «Донских рассказах» слово *комсомолец* произносится как *комсомалист* (ср. у А. Жарова в стихотворении «Гармонь»: «комсомалист Тимошка»). *комсомол* — как *кусамол*, *ветеринар* — как *ветинар*; в «Поднятой целине» отражается такое произношение, как *планты*, *воздёржжваюсь*, *ероплан*, *сицилист* и т. п.

Писатель передает также и своеобразное оформление в говоре «городских» слов. Например, пришедшее из литературного языка несклоняемое слово среднего рода *пальто* в говоре склоняется: *в пальте*. Слова среднего рода в говоре согласуются преимущественно с прилагательными женского рода, т. е. относятся к женскому роду. Естественно, что новые слова среднего рода также воспринимаются как относящиеся к женскому роду: «вы гутарьте, сколько *килов на эту га будет*». Существительные мужского рода *мотоцикл*, *портфель* относятся в говоре также к женскому роду: *эту мотоциклу*, *кожаную портфелью*, *свою портфелью*.

Окончание *-ов* в родительном падеже множественного числа принимают в говоре такие существительные, как *прения* («ты давай без *прениев*»); *салфетка* («салфетков у нас в доме отродясь не было»); *доказательство* («...*доказательств* у меня нету») («Поднятая целина»).

В начале своего творчества Шолохов не избежал ошибки, свойственной большей части писателей 20-х годов. В языке «Донских рассказов» много вульгаризмов: «бандя *присучилась* хутор разорять», «*шалава* Дунька», «*новылазило* тебе», «*прут* в наступ» и др. В речи персонажей «Тихого Дона» и «Поднятой целины» вульгаризмы встречаются сравнительно редко. Автор не боится показать, что иногда язык его героев *груб*, но он убеждает читателя в том, что эта грубость языка — наследие многолетнего «идиотизма деревенской жизни» и что за ней часто скрыт гуманизм и настоящее мужество (ср. образы Разметнова, Нагульнова и др.).

Особенности донских говоров, как правило, передаются в речи только тех персонажей, которые являются носителями

диалекта, т. е. в речи казаков и казачек. Язык персонажей-казаков благодаря употреблению диалектизмов отчетливо противопоставляется языку других действующих лиц.

Но иногда Шолохов ошибочно передает особенности донских диалектов в языке тех героев, которые не являются носителями этих говоров. В «Тихом Доне» в речи белого офицера (не казака) внимательный читатель встретит слово *придется* (придется), отметит также донские диалектизмы в языке русских красногвардейцев.

Язык Давыдова, — приехавшего в Гремячий Лог по партийной мобилизации двадцатипяти тысячника, слесаря Путиловского завода, бывшего матроса, — индивидуализирован и значительно отличается от языка жителей Гремячего Лога. Давыдов употребляет много газетных терминов. Придает своеобразие его речи также привычка часто вставлять слова *факт*, *фактический*. Но он также употребляет местные слова и обороты. Особенно выделяются в его речи синтаксические диалектизмы: в записной книжке председатель колхоза отмечает: «Тимофей Борщев *затуманный* классовым врагом. Обработать». В выступлении на собрании говорит: «вы — качающиеся середняки, временно *заблужденные*»; «Говорю про тех типов, *какие* вопили против закрытия церквей». Выше указывалось, что такие синтаксические обороты типичны для донских говоров.

И в главах из второй книги «Поднятой целины» в речь Давыдова автор вводит такие слова, которые свойственны говору: «не клажу везешь, считай *порожнем* едешь, факт!»; «ты выпряги быков и пусти их на *попач!*»; «глаз с тебя сводить не буду, быстроногая моя *ланюшка!*»

Мало вероятно возможность усвоения горожанином местных языковых особенностей и перенесения их в свою речь: во-первых, потому, что прошло незначительное время с тех пор, как Давыдов приехал на хутор (не более полугода), во-вторых, случаи такого регрессивного влияния говора на речь, близкую к литературному языку, едва ли возможны.

Случайным и ошибочным является употребление донских диалектизмов в речи лейтенанта Герасимова — героя повести «Наука ненависти». Из повести читатель узнает, что лейтенант Герасимов — уроженец Западной Сибири, прожил там 34 года, работал на заводе. Тем не менее в его речи встречаются такие слова, как *огорожа* (отмечено

дважды) и *угадал* в значении «узнал» («Из нашего полка я *угадал* только двух красноармейцев III роты»). Введение донских диалектизмов в язык горожанина является неточностью автора.

Шолохов использует местные особенности не только в языке героев, но и в авторской речи.

Он хорошо знает жизнь своих героев, потому что сам родился и жил среди них. Для него представления о донской степи, станицах и хуторах, быте казаков и о них самих неразрывно связаны с их своеобразным языком. Желая, чтобы читатель также узнал и полюбил его героев, автор рассказывает о них языком, близким языку казачества. Не следует думать, что Шолохов делает это машинально, незаметно для себя: чувствуя красоту и богатство народного языка, он уверен в том, что использование особенностей говора в авторской речи обогатит язык книги.

Прежде всего наличие или отсутствие диалектизмов в авторской речи зависит от содержания повествования: там, где говорится о казаках, где сообщение автора прерывается диалогами или монологами персонажей-казаков, передающими особенности народного говора, — там диалектизмы используются и в авторской речи. Если же действующие лица — не казаки, а русские рабочие, солдаты, офицеры, генералы и др. и поэтому в речи персонажей нет и не может быть диалектизмов, их нет и в авторской речи¹.

На разных этапах творческого пути меняется и состав диалектизмов в авторской речи.

Если на раннем этапе творчества широкое введение особенностей местных говоров в авторскую речь было обязательным художественным приемом писателя, то в произведениях зрелых методы использования средств говора иные.

В «Донских рассказах» в языке автора используются многочисленные диалектизмы: фонетические, морфологические, лексические — те же, что и в языке персонажей.

¹ См. II и III главы I части первой книги, XIII и XIV главы 5 части второй книги, III главу I части четвертой книги «Тихого Дона»: в них так же много диалектизмов в речи автора, как и в речи персонажей — действие происходит на хуторе у Мелеховых.

Совсем нет диалектизмов в I главе 4 части второй книги, где действие происходит в Полесье, в офицерской землянке; в XIII главе 4 части второй же книги, где описываются переговоры генерала Корнилова и Лукомского; в V, VI, VII главах 5 части второй книги, в которых говорится о защите Ростова рабочими разных национальностей.

В «Тихом Доне» и «Поднятой целине» Шолохов отказывается от передачи фонетических особенностей говора в авторской речи, морфологические же диалектизмы использует иначе, чем в рассказах. Он не переносит механически в авторскую речь те же морфологические диалектизмы, что и в языке героев, но образует новые слова, используя для этого словообразовательные нормы говора.

Как мы указывали выше, в говоре продуктивно образование имен существительных со значением увеличительности, а также с отрицательной эмоциональной окраской при помощи суффикса *-ин-а*. Ср. и в авторской речи «Тихого Дона»: *ноздрина, сурчина, лампасина, возжжина, лужина*.

В авторской речи «Тихого Дона» и «Поднятой целины» при помощи приставок, также по нормам словообразования говора, образуются иные, чем в литературном языке, глаголы и причастия. Так, при помощи приставки *за-* образуются причастия со значением «стать таким, как тот предмет, на который указывает корень»: *закрутевшая, зачугуневшая, замиевшая, заволосатевшее ухо, затравевший двор*. Эта же приставка *за-* служит для образования глаголов и причастий со значением окончания действия (в соответствии с приставкой *о-* в литературном языке): *зажиревшие, занемевшие*. Приставка *при-* служит для образования слов со значением неполноты действия: *прижмуренный, прискучившие, приотстал, припотели, притаявшие, приглохла, присвечивая, приржавевшие, притушила, придремал, приустал*.

В говорах Дона, как и вообще в народных говорах, продуктивны притяжательные прилагательные. В авторской речи произведений Шолохова очень много притяжательных прилагательных, которые образуются, как и в литературном языке, при помощи суффиксов *-ин, -ов (-ев)*: *грачиные гнезда, Христовины вопросы, Христовиной спине, Григорьева ожидания, Христовиной хате, Натальиной утиркой, Григорьеву мысль, Григорьевой улыбке, свекровьину косынку, свекровьиного присмотра*. Однако для литературного языка более характерны словосочетания существительного с несогласованным определением, т. е. существительным в форме родительного падежа: *улыбка Григория, спина Христови* и др.

Хочется отметить еще одну интересную особенность образования прилагательных в авторской речи: Шолохов

очень любит употреблять прилагательные с суффиксом *-оват-*. В литературном языке при помощи этого суффикса образуются прилагательные со значением неполноты качества. В авторской речи Шолохова наряду с обычными для литературного языка прилагательными *желтоватый, зеленоватый, угловатый* встречаются *угрюмоватый, гнедоватую бородку*. Шолохов использует суффикс *-оват-* и для образования прилагательных от других частей речи: *обрубковатые, шумоватый*.

В речи персонажей нет примеров прилагательных с этим суффиксом, поэтому нельзя утверждать, что это также образование по нормам говора, но такое образование характерно для авторского языка «Тихого Дона».

В авторской речи «Тихого Дона» Шолохов употребляет предлоги *сбочь (обочь), промеж*. Если предлог *промеж* имеет в литературном языке синоним *между* или *меж* («промеж конских ног»), то предлог *сбочь* («сбочь дороги»), очевидно, используется потому, что не имеет равнозначного синонима в литературном языке: он совмещает значение предлога *около* (дороги) и наречия *сбоку* (от дороги). Вследствие выразительности нового предлога писатель и считает возможным использовать его в авторской речи. Это хороший пример отбора писателем слов говора для литературного языка. Критерием для такого отбора является точность определения понятия.

Широко используются в авторской речи лексические диалектизмы. В ранних рассказах преобладают лексические диалектизмы, имеющие синонимы в литературном языке: *порепаться* (потрескаться), *рыпнуть* (скрипнуть), *шматовать* (рвать), *наскорях* (наспех, торопливо), *в назирку* (не упуская из виду), *охлюпкой* (не оседлав коня), *важно* (тяжело) и множество других. Преобладание нетерминологической лексики объясняется, во-первых, содержанием рассказов, в которых главное — действия героев, а не описание их быта; во-вторых, тем, что молодой писатель не ставит целью отбор диалектной лексики, а вводит в авторскую речь все слова, которые известны лексике говора.

В романах же Шолохов строго отбирает диалектные слова, прежде чем ввести их в авторскую речь; в последней преобладают диалектизмы этнографические.

Для этнографического описания жизни персонажей служат слова *левада, падина, буерак, уруб, увал* и др.;

названия трав: *чеборец, сибирьки, аржанец* и др.; названия частей одежды: *завеска, чирики*; названия сельскохозяйственной утвари: *букарь, запашник, налыгач* и др.

Ряд таких слов не имеет синонимов в литературном языке, у других есть более или менее близкие по значению литературные параллели. Но употребление последних явилось бы стилизацией и не создало бы «местного колорита», которого достигает Шолохов употреблением лексических диалектизмов. И здесь, как и в речи персонажей, Шолохов избегает передачи редких для говора слов, а дает только самые типичные. Благодаря употреблению этих слов в языке произведения читатель ближе знакомится с жизнью казачков.

Среди собственно лексических диалектизмов нужно прежде всего отметить те, которые часто встречаются в речи персонажей. Эти слова, типичные для говора, писатель считает возможным использовать и в авторской речи. К таким относятся: *гутарить, порожние, духовитый, вечерять, кучерявый* и др.

Характерной особенностью авторской речи являются также звукоподражательные глаголы: «*гахнули* выстрелы», «*тупал* сапогами», «*чмыкает* носом», «*взыкали* пули», «*закхакали* залпы», «*татакали* колеса». Они очень выразительны.

Использование диалектизмов в авторской речи способствует достижению единства речи автора и персонажей. Знакомые уже читателю по языку героев, введенные в авторскую речь, диалектизмы вливаются в общий строй языка, не выделяясь, не создавая впечатления экзотического, необыкновенного.

Многочисленные диалектизмы не выступают в произведениях Шолохова как чужеродные элементы. Замечательной особенностью богатейшего и выразительного языка писателя является неразрывная, органическая связь диалектизмов с литературным языком. Слова, отражающие звуковые, грамматические закономерности диалекта, и лексические диалектизмы часто соседствуют с такими словами, которые относятся к пласту книжной лексики литературного языка, являются специфической принадлежностью его и не нарушают цельности описания.

Ср., например: «Вверху фиолетово черпели, чуть ниже утрачивали ч у д о в и щ н у ю свою окраску и, меняя тона, лили на тусклую *ряднину* неба не ж н о с и р е н е в ы е

дымчатые отсветы; в середине вся эта бесформенная громада, набитая как *крыги* в ледоход на заторе, рассачивалась, и в пролом неослабно струился апельсинового цвета поток закатных лучей. Он расходился брызжущим веером, преломляясь и пылясь, вонзался отвесно, а ниже пролома неопишимо сплетался в ваханальный спектр красок» («Тихий Дон»).

«Мелькали *сбошь* дороги филейные петли заячьих следов»; «Зимою же, когда могильный курган в горностаевой мантии снега, каждый день в голубиносивых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый *сиводушный лисовин*. Он стоит долго, мертво, словно изваянный из желто-пламенного каррарского мрамора; стоит, опустив на лиловый снег рыжее, ворсистое *правило*, вытянув *встречь* ветру заостренную, с дымной *черниной* у пасти, морду»; «...Высушенное ветром озимое *жито* словно на цыпочках поднимается, протягивая листки *встречь* светоносным лучам» («Поднятая целина»).

Вводя диалектизмы в речь действующих лиц или авторскую речь, Шолохов преследует и иную цель, кроме достижения реалистичности и красочности описания. Диалектизмы используются писателем также при создании художественных образов с помощью языковой характеристики.

Иногда писатель вводит в язык одного из героев множество диалектизмов, используя этот прием для усиления комического эффекта.

Один из ярких примеров подобного использования языковых средств говора — язык деда Щукаря в «Поднятой целине». Его речь насыщена диалектизмами в большей степени, чем речь любого персонажа, — они подчеркивают комизм рассказов Щукаря. Например, рассказ Щукаря о том, как он принял козла за черта: «И вот оно наступает мне прямо на морду. Я рукой цап — копыто и все в шерсти! *Волосья* на мне все *наежинились*, и аж кожа начала от тела отставать. Никак не *воздохну* от *страху*! *Значитца*, — думаю, — *зараз* он возьмется за меня и защекочет до смерти. *Уж* лучше *пуцай* бы бабы *исказнили*».

Всюду, где нужно подчеркнуть комизм положения, усилить комический эффект рассказа действующего лица, число самых разнообразных диалектизмов в его речи увеличивается автором. Ср. рассказ Любишкина в «Поднятой целине»:

« — Кто это тебя *шкарябнул*? — Греха не скрою: баба! Баба-чертяка кинулась за корову... Пошла в *наступ*, как *танка*. Такое у нас *кроворазлитие* вышло возле база, от *соседей стыду* теперь не оберешься. Кинулась с *чаплей*, не поверишь? А, говорю, красного партизана бить? Мы, говорю, генералам, и то *навтыкали* да *черк* ее за *виски*. Со стороны кто глядел, ему, небось, *спектакля*...» Или слова деда Аким: «Анафемы-кочета целый день *стражаются*, от ног отстал, за ними *преследуя*. На что уж куры, *кажись*, *бабьего полу*, и эти схватят одна другую за хохол — и пошел *по базу!*» (Ср. также в «Тихом Доне» рассказ Авдеича о том, как он был во дворце у «императора», рассказ Христоня о том, как студент подарил ему портрет Карла Маркса и т. д.)

Во всех указанных примерах комический эффект достигается характером ситуации, а диалектизмы используются для усиления этого эффекта, т. е. языковые средства являются не единственными, не главными, а дополнительными при изображении комического.

Интересно отметить, что в ранних рассказах Шолохов пытался создать комический эффект только сочетанием диалектизмов с незнакомыми говору словами, оформленными по фонетическим и грамматическим нормам диалекта в речи персонажей.

Вот, например, рассказ «Шибалково семя» — рассказ о красноармейце-пулеметчике Шибалке, который усыновил сына женщины, изменившей ему и предавшей отряд; и другой — «Председатель Реввоенсовета республики» — рассказ бывшего буденновца о том, как он организовал защиту хутора от белой банды, объявил свой хутор республикой, а себя — председателем Реввоенсовета республики. Оба произведения по композиции — сказы. Именно поэтому авторская речь в них отсутствует — рассказчиками являются Шибалок и «председатель Реввоенсовета». В их речи Шолохов очень широко использует диалектизмы, перенасыщая язык героев словами и формами говора, а также «новыми» словами (в том числе и советизмами), оформленными по грамматическим нормам говора, и вульгаризмами. Среди диалектизмов в речи рассказчиков много синтаксических. Но в большинстве случаев автор сам строит причудливые предложения, которые якобы свойственны языку его героев. Достаточно привести несколько примеров.

«В республику она превзошла таким способом: на прощание ворочаюсь я к родным куреням из армии товарища Буденного и выбирают меня граждане в председатели хутора за то, што имею два ордена: Красных знамени за свою известную храбрость под Врангелем, которые товарищ Буденный лично мне навешал и руку очень почтенно жаль» («Председатель Реввоенсовета республики»).

Но не считаете себе в виду: ежели на советскую власть обратно перейдет нападение белых гидров и прочих сволочей, то мы вместе с каждым хутора сумеемся сделать крепость и республику; стариков и парнишек на коней посажаем, и я, хотя и потерявши одну ногу, а первый категорически пойду проливать кровь» (там же).

Можно указать еще много примеров неудачного, вследствие нарочитой синтаксической усложненности, построения предложений, перегруженности языка этих рассказов диалектизмами и вульгаризмами.

Утрирование особенностей говора и обилие вульгаризмов в речи рассказчиков снижает образы Шибалка и «председателя РВС». Читатель обращает внимание на неправильности речи, смеется над ними. Этого и хотел автор, но он не учел того, что такое изображение упростило образы героев, снизит их. Нарочитое искажение речи Шибалка сделало из него протачка, отодвинуло на второй план главное в образе: преданность бойца советской власти, гуманизм, неумело замаскированную грубыми словами жалость к женщине, любовь к ребенку.

Несомненно, здесь автору не удалось использовать диалектизмы в речи персонажей как средство комического изображения событий лишь потому, что он пытается достичь комического эффекта только языковыми средствами (ведь ничего смешного в самой ситуации рассказов нет).

В языке зрелых произведений Шолохов к этому приему не возвращается.

* * *

При повторном издании своих книг М. А. Шолохов тщательно работает над языком. Особенно интересно для читателей третье издание «Поднятой целины». В этом издании автор внес ряд изменений в язык романа. Поскольку диалектные слова занимают такое значительное место в словаре произведений Шолохова, изменения эти касаются

и употребления диалектизмов. Может быть, под влиянием критики, отмечавшей «излишние» диалектизмы у Шолохова, писатель в новом издании книги идет по пути уменьшения количества слов и форм, передающих диалектные особенности в языке, по пути замены их словами и формами литературного языка. Не имея возможности обстоятельно исследовать вопрос о характере исправлений, мы не можем, однако, ограничиться замечанием об устранении излишних диалектизмов, а должны хотя бы отметить основной характер этих поправок.

Писатель устраняет некоторые диалектизмы как в авторской речи, так и в речи персонажей. В авторской речи устранены некоторые морфологические и лексические диалектизмы. В ряде случаев такая замена оправдана и, несомненно, вызовет одобрение читателей и исследователей: прежде всего это относится к замене словами литературного языка семантических диалектизмов (слов, имеющих в говоре иное, чем в литературном языке, значение), например:

в старом издании:	в новом издании:
1) «мать <i>распокрытал</i> »	«мать с <i>непокрытой головой</i> »;
2) «хозяин <i>охаживал</i> его (коня) руками»	«хозяин <i>гладил</i> его руками».

В просторечии *охаживать* имеет значения: 1) долго и упорно уговаривать, склонять к чему-либо, 2) бить чем-нибудь;

3) «у Борщева в тесной <i>связи</i> собирался кулацкий актив...»	«у Борщева в тесной <i>хате</i> собирался кулацкий актив...».
--	---

Наличие в литературном языке омонима «связь-соединение» затрудняет понимание диалектизма в данном предложении.

Диалектные слова *остальцы* («остальцы ночи»), *седач*, замененные в третьем издании словами литературного языка *остаток*, *седой старик*, также затрудняли понимание текста, и подобная замена может быть одобрена.

Но вызывает возражение замена отдельных слов, называющих предметы быта казаков, словами литературного языка (слова «*кочет*, *махотка*, *чувал* (чувал с зерном), *катух* и др. заменены словами *пелух*, *горшок*, *мешок*, *хлеб*) или же замена таких семантически выразительных предлогов, как *сбочь* (заменен сочетанием «по бокам дороги»); не заменен другим словом литературного языка, а просто опущен предлог *встречь*.

В речи персонажей заменены словами и формами литературного языка различные диалектизмы: фонетические (например, *рельев* вместо *орельев*, *хочь* вместо *хучь*, *задохнись* вместо *задвохнись*); морфологические (*власти* вместо *властя*, *прислушаешься* вместо *прислухасишься*), лексические (*должно быть* вместо *кубыть*) и даже фразеологизм «*китушки обиваете*» заменен выражением «*бездельем тут занимаетесь*».

Заменены словами литературного языка такие выразительные, экспрессивно окрашенные слова, значение которых понятно из контекста, как *хитнулась*: «мы ее (советскую власть) сами подпирали плечом, чтоб не *хитнулась*» (в третьем издании — «покачнулась»); *всхмянетесь*: «*всхмянетесь* вы, да поздно будет» (в третьем издании — «опомнитесь» и др. Эти исправления в какой-то степени лишают своеобразный язык писателя выразительности, стирают присущие ему яркие краски.

Но так или иначе, несомненно одно: эти изменения незначительны и для читателя мало заметны. Писатель по-прежнему очень широко использует особенности народного говора в литературном языке. Доказательством этому служит язык глав второй книги «Поднятой целины», с которыми недавно познакомился читатель. Прочитав опубликованные главы второй книги, можно с уверенностью сказать, что язык Шолохова остался прежним и что писатель, как и раньше, обращается к местным говорам как к средству передачи речи своих героев и обогащения литературного языка в авторской речи. Приемы использования слов диалекта те же, что и прежде: передача типических особенностей говора (что позволяет быстро ознакомиться с ними читателя):

1) особенностей произношения, известных нам уже по первой книге: «стрелял какой-нибудь *вкюноша*»; «по нем и *вдалили*»; «ты откуда, *станишник?*» и др.;

2) особенностей грамматического оформления слов — их образования и изменения: продуктивное окончание *-ов* в родительном падеже множественного числа для существительных всех родов («я до скольких *разов* просил Якова Лукича»); отнесение существительных среднего рода к мужскому или (чаще) женскому роду («Бери-ка, говорю, свою *портфелью*», «эту великую *изречению* по три раза читал»; «*животная сама* знает, когда рысью бечь»); особенности образования и спряжения глаголов («то один идет с какой-нибудь

нуждсь, то другой *волокется*»; «а то ты все *положишь* вокруг каждой косилки»; «*напужаешь* тебя темнотой»). В речи персонажей во второй книге передается морфологическая особенность говора, неизвестная читателю по языку «Тихого Дона» и первой книги «Поднятой целины», — образование качественных наречий с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк-*: *осторожночко*, *тихочко*, *смирночко*, *спокойночко* (сравни в литературном языке наречия с суффиксами *-оньк*, *-еньк*, образованные от качественных прилагательных).

Широко используются в языке героев книги и лексические диалектизмы — не только названия построек, утвари, сельскохозяйственного инвентаря («*чигирь* на плантации сломался»; «нельзя на *базу* курить»; «он на *баз* пошел»), но и имеющие синонимы в литературном языке: «уж *дьюже* ты дотошный хозяин», «да неужели ты не *угадываешь* свою работу?»; «к молодому черту дорогу *ощупкой* найдет».

Очень часты синтаксические диалектизмы, опять-таки уже знакомые читателю: употребление полного прилагательного и причастия в роли сказуемого («я к такому солнцу *непривычный*»; «Как Макар? *Живой?*»; «Откуда же он про Хопровых *наслышанный?*»); употребление союзного слова *какой* в соответствии с литературным *который* при определительных придаточных предложениях («поглядел на гильзу, *какую* мы нашли») и др.

Читатель узнает и устойчивые сочетания слов, знакомые ему по языку «Тихого Дона» и «Поднятой целины»: «Она же нас в такую *трату даст*» (*дать в трату* — погубить); «На Аверьяна *сердце держу*»; «Из-за нас он с весны до осени в поле *хрип гнул*».

В авторской речи глав второй книги «Поднятой целины» диалектизмов значительно меньше, чем в языке персонажей, и меньше, чем в авторской речи первой книги. Это прежде всего слова бытовой и профессиональной лексики (*аржанец*, *чапига*, *курень*, *чирики* и др).

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что Шолохов по-прежнему использует языковые богатства территориальных диалектов для обогащения языка своих произведений.

Цена 1 руб. 15 коп.